

1848

1848.

14. ЧАСОВИ БЛАГОГОВЈЕНИЈА

ЧАСОВИ БЛАГОВЪЕНІЯ / Превео съ немачкогъ на србскій
езыкъ... Гаврилъ Поповићъ. – У Београду : Трошком Дружества србске
словесности, 1848 (у Београду : у Правителственой Печатњи, 1848. – 141 стр.
[тј: 150] ; 21 cm

Новаковић 1558; Кириловић 1359; КНБС 2903.

Власништво: Историјски архив Пожаревац
5575

1848

1848.

14. ЧАСОВИ БЛАГОГОВЈЕНИЈА

ЧАСОВИ БЛАГОВЪЕНІУ / Превео с њ немачког њ на србскЦ ет
езѡ Цкѡ... Гаврилѡ Поповићѡ. – У Београду : Трошком Дружества србске
словесности, 1848 (у Београду : у Правителственоет Печатнѡи, 1848. – 141
стр. ѡтј. 150ѡ ; 21 cm

Новаковић 1558; Кириловић 1359; КНБС 2903.

5575

Sp. 229

7/60

~~919~~

~~47~~
80

5575

ЧАСОВИ БЛАГОГОВѢНІЯ.

ПРЕВЕО

СЪ НЕМАЧКОГЪ НА СРБСКІЙ СЪЗЫКЪ

Редовный Членъ Друж. Срб. Словесности,

ГАВРИЛЪ ПОПОВИЧЪ,

Архимандритъ.

ТРОШКОМЪ ДРУЖТВА СРБСКЕ СЛОВЕСНОСТИ.

У БЕОГРАДУ.

У Правителственой Печатни.

1848.

С А Д Р Ж А Н І Є :

- I. Благочестіє и Младость.
- II. Име Божіє.
- III Човекъ твораць своє судбине.
- IV. Совесть.
- V. Управлянѣ Божіє.
- VI. Сила Истине.
- VII. Човекъ предполаже а Богъ располаже.
- VIII. Дарови Среће.

БЛАГОЧЕСТИЄ И МЛАДОСТЬ.

Теби, нѣжно, волнующе се млађано срце, посвећуемъ я ова размышленія христїанске любви, освећенія и благоговѣйнаго умиленія! — Теби ии посвећує сама твоя судбина; за тебе ии в спремило отеческо провидѣнїе божїе. — Зарь ћешь ии немарљиво одбацити? Зарь ћешь се прама себи самомъ ладно показати?

Младићу, гле, ты си већь достиго оне године, у којима треба да си све више и више свой; како кои дань, ты ћешь све мань зависити одь твои наставника. Они, кои су те родили, умреће; твои сродници удалиће се одь тебе; цело време твогь дитинства одлетиће, изневериће те. И ты ћешь оста ти самь самцить. Ты ћешь текь онда познати, шта значи: бити самь у свету и никога свогь неимати до себе самогь! Од како си дошо на овай светь на досадь, све се другїй старао о теби. Брижљива и нѣжна родительска срца лебдила су надь тобомь; а садь си као зрело воће снао съ любезногь стабла, кое те в дояко на своимь границиама држало. Одсадь морашь се самь за себе

бринутн, да бы се тако научіо бригу водити и о другима.

Одавно су стрепили у срцу тебе ради они, кои су те свимъ жаромъ любили, боѣши се, како ће ти бити, како ли ћешъ проћи, кадъ тай решителный часъ куцне. Чудно е куцало срце и у отца и у майке, кадъ су на тай часъ помышляли. Може бити, ты и незнашь, зашто? — Ако садъ незнашь, знаћешъ, веруй, доцнѣ. Одавно си ты съ нестрепенѣмъ очекивао онай данъ, у кои ћешъ се исподъ родительске власти ослободити и живити безъ ничѣгъ надзираиія. Ёдва си чекао, да се опростишь година детинства. И оно е садъ за тобомъ. Но я ти проречемъ, да ће доћи данъ, кадъ ћешъ ты узданути за годинама детинства, и жалићешъ за ньима, као за изгублѣнымъ раемъ. Іоштъ мало, па нећешъ небой се бити тако весео, тако безбрижанъ, као што си досадъ быо. Штазнамъ, можда већ ниси. Доста су те дояко чували други своіомъ снагомъ и намећу одъ ненадны преврата. Садъ е наступило време, да самъ себе чувашъ. Осадъ ћешъ бити ты свой собственный покровитель. Ахъ! ты ћешъ у томъ чуваню противъ твоѣ волю толике напасти и неволи на себе навући.

Младићу, мила душо моя, при редови ове кнѣге носе ти врло прне гласове. Чуй: Ты ћешъ іоштъ много трити! Ты ћешъ бити врло несрећанъ! — Не

смей се, неверо. Може быти, да ћешъ скорымъ временомъ са сузынымъ очима ове врсте читати.

Но при свемъ томъ ты си дужанъ себе чувати и бранити; ты, кои скоро іоштъ никакогоу искусства немашь; кои силе свое іоштъ нигди кушао ниси; ты, са тако ограниченымъ знаніемъ и разумомъ! Ты си, велимъ, дужанъ себе чувати и бранити, усамлѣнь на стази живота, безъ сваке подпоре, оставлѣнь, забравлѣнь, а можда и обмануть одъ самы оны лица, коима си се свомъ душомъ поверіо.

Али, пытамъ те, да ми кажешъ: како ћешъ се чувати и бранити? Ко ће ти дати силу и крепость противъ толики светски буря? Ко ће улити у тебе мужество и мудрость, кадъ у теснаць доћешъ; кадъ те непредвиђена обстоятелства обколе? — Знашь ко? — Я ћу ти казати. Ты ћешъ све то моћи постићи, али не самъ собомъ, него помоћу Оногъ врьовногъ Существа, кое бди надъ тобомъ, — помоћу твогъ Бога. — Было е на свету и силни и ячи одъ тебе, алъ су пропали, еръ су Бога одбацили, а на себе и одвише уздали се. Безъ Бога пропащешъ и ты.

Храни, чувай себе; ты то можешъ, али не своимъ благоразуміемъ, него руководствомъ Оногъ наймудріегъ, кои е за спасеніе твоє горку смръть претрпіо. Ты то можешъ, ве-

лимъ, али мудрошћу Оногъ пребожественогъ, кога су ово одъ две иляде година наймудрии люди Спасителѣмъ своимъ називали; мудрошћу Исуса Христа. — Было in е, а има in и садъ у свету мудрии одъ тебе, али су пропа-ли, ерѣ су се яко уздали на свою итрость, умешность и искусство, а Исуса су одбацили, нехотевши га ни познати. Веруй ми, безъ Исуса пропащенъ и ты.

Познаешъ ты Исуса Христа? Ты си у детинству твоѣмъ виѣао илядама нѣгови поклоника, кои се у храмовима божимъ моляху. Виѣао си именовъ и духомъ нѣговымъ проникнуто и учене и незнаце, и старешине и подвластне, и старце и децу, и богате и убоге. Сви су они съ благоговѣнїемъ на уста изговарали име Исуса. — Познаешъ ли Га ты? Почитуешъ ли Га? Иманъ ли надежду на Нѣга? Шта! зарѣ бы мого бити тако равнодушанъ? Или се можешъ толико забравити, да о целомъ свету држишъ, да е у заблуѣнїю, а само ты да иманъ право?

Ты си у име Нѣгово крштень и чрезъ крштень примѣнъ си у велико и безчислено общество оны лица, коя желе бити добродѣтельна, света и среѣна духомъ нѣговымъ, нѣговымъ животворнымъ словомъ. Одъ нѣговогъ имена и ты се називанъ христїанномъ; но познаешъ ли ты Христа?

Ты си се више пута причестїю. Шта е

осећало срце твоє, кадъ си къ святой тайни приступао? Нису те скрозъ пролазила благочестива чувства, кадъ си се и спољашнѣ и унутрашнѣ саєдinjaвао съ Христомъ у едно тело и у єданъ духъ? — Познаєшъ Га, Младићу?

Погле само, то є Онай, кои сачетава твою безсмртну душу съ живимъ Богомъ, Отцемъ вселене, кои є уєдно и твой Отаць. Помысли, то є Онай, кои дане твогъ живованя овде на земљи скопчава съ данима другогъ живота, у кои ћешъ ући, почемъ овде умрешъ. Ето, садъ ти се само каже, ко є и шта є тай Исусъ, сынъ божји. — Саюзъ духа нашегъ съ Богомъ и вечносћу, то є вера, кою насъ є Онъ научио; а освєћено, озбиљно теженѣ, да се съ Богомъ и вечносћу одиста саюзимо, єсть Благочестіє.

Теби се чини, као да є то врло строго зактеванѣ, да будешъ истинно побожанъ, у цвету твои млади лета, усредъ толики забава и радостій, узрасту твоємъ свойствены. Но то се теби текъ тако чини. Али разсуди, може ли се игда рећи, да є рано: темель положити свагдашнѣмъ спокойству духа, постоянной чистоти душе и неизменѣномъ унутрашнѣмъ блаженству? Заиста, то ніє игда рано. И нема тога узраста, ни ти година, за кое бы се могло рећи, да є рано съ вероисповедію упознавати ихъ. Видити благочестивогъ старца, то є позориште, кое улива у насъ почитаніє праманѣму. Видити молећу се матеръ, то є позори-

ште трогателно; али, видити побожногъ младика и побожну дѣвицу, то є позориште усхитително. Неможешь имъ одказати уваженіє, и у очима целогъ света све су то миліи и любезніи.

Но по чему судишь, да є рано за твой узраст, за твоє године, да се са истиномъ веромъ упознашь? Можели быти мысао каква узвишенія, — какву смртный человекъ себи и представити а толи изрећи може, — негъ што є мысао о Богу и вечности? И башъ ова иста важность те мысли бива источникомъ найчистіє радости духа нашегъ. Она насъ предохранява одъ греха и раба у нама спокойну совесть. Она улива у насъ надежду на Бога, кои насъ любви, а чрезъ то оружа срца наша мужествомъ спрочу свакояки напастій светски. Ко є истинно благочестивъ, тай є свагда весео, а кои є нечестивъ, тай се врти и посрѣе између найразуданіє радости и најцриѣ скорби. Онъ незна мере ни у чемъ, па башъ и кадъ га видишь весела, неверуй му, єръ изнутра душомъ и срцемъ болує, и пре є несрећанъ него радостанъ. Вероисповедъ, укланяюћи испредъ насъ скуку и скорбь, дає найбільій зачинъ свима удовольствама нашима, а у часу страдања улива у насъ оно неустрашимо величіє, кога осећанъ далеко є слађе и миліє одъ сваке на свету усладе.

Немой мыслити о друговима и пріятельни-

ма твоима, да су безъ Благочестія, по томе, што едва кадъ, или можда никадъ неговоре о предметима свете вере тичућима се. Имаю и они свое време, кадъ су сами, и у той самоћи склапаю руке и са умилениємъ управлию погледе на небо, у срцу тайно трепећу и душу своју предъ Богомъ изливаю. Веруй, Младићу, вероисповедь е свакомъ човеку најзвищеніи, срцу нѣговомъ најдрагоценіи и најсветіи предметъ. Али, люди, кои су нетино благочестиви, нерадо износе на видикъ свое благочестиво расположење. То они хране дубоко у срцу као најдрагоценіе благо. Свакій за себе зна, у каквомъ одношенію стои съ Богомъ. Ошто му е, да јавно води о томъ разговоръ предъ другима? Заръ ће тимъ себе или другога кога ползовати? И заръ се неможе догодити, да таквомъ беседомъ својомъ пре шкоду нанесе, уколико га други или не бы разумели, или бы речи нѣгове сасвимъ худо истолковали?

Немысли ни о онима, да су безъ Благочестія, кои се, или изъ лакомислія, или изъ суете, као да су незнамъ колико просвештени, оштроумни и прозорљиви, често дотле заборавају, да речи црквеногъ смисла, свештене обреде, и саму науку цркве изсмејаваю. Далеко буди одъ насъ и помислити, да б могућно издевати имена ономе, што е за све и свакога благотворно. Но башъ и ови сами измевачи, макаръ како да су распуштени и

несмыслени, опетъ зато у дубльни души свое осећаю гласъ вероисповеди. Дани несреће и беде, приближуюћа се смртъ, страшна претия судбине прикланяю и често на молитву. Они исти, кои су се изъ пуногъ грла ругали богомольцу, — садъ се сами моле. Они исти, кои су сиктали, одричући безсмртіе душе, — съ нестрићніемъ очекую вечность, еръ уверсиѣ о нъой немогу никако да искорене изъ свое мысли. Та и сами безбожници, — ако е игда было на свету безбожника — верую у Бога. И онай найразвратни злочинацъ веруе тайно у Бога. Да, и сами ѣаволи верую у Бога и стрепе. Яков. гл. 2. стих. 19.

Човекъ е одъ природе свое такавъ, да неможе обстати безъ Вероисповѣди. Ню нит' е ко измыслио, па свету наметнуо, нит' ю е пронашао, па као свою умотворину у светъ пустио. Она е само суште диханѣ, мысао и животъ духа нашегъ. Потоме, неможе се рећи, да она само нашемъ веку или нашемъ колену принадлежи; не, сви векови и сва колена людска имала су е, одкако е света и века. Она се налази не само кодъ просвештенны народа, него и кодъ самы дивльи индіянаца, кои съ оне стране океана живе. Они су знали за ню пре, негъ што е остальи светъ за ньи дознао. Они е имаю и данданасъ. — Истина, понятія нъіова о Богу и богоугодномъ животу сметена су и недотупавна; но томе е узрокъ тай, што су умне

способности нїове слабо развієне, или, што су на зло павраћене, па су заблудиле. Нїи-ма подобни были смо и мы у дeтинству нашeмъ, што се тиче понятїя наши о вери; а садъ, почeмъ смо у изображенїю коравнули и разумъ нашъ изопштрили, и сами се смеемо негдашњимъ нашимъ понятїяма. Погледай на суровогъ дивляка, было онда, кадъ тварь уместо Творца обожава, было онда, кадъ животна колѣ и на жертву приноси, — уместо да свое собствено срце Божеству посвети, — аль га немой изсмеявати; еръ знай, да начело оно, коє га къ истомъ дѣлу руководи, нїе ништа друго, него вероисповѣдь; а чувство, коє га за то одушевлява, есть сама чиста побожностъ. Све пакъ то шта є друго, него саяюзъ духа нѣговогъ са онымъ невидимымъ, вечнымъ и непостижимымъ Сушествомъ? У томъ се и састои заслуга Христа Спасителя, што є сипо на землю, да изведе родъ човечїи изъ таме на светлостъ; да га врати съ пута, на комъ є заблудїо и на путь истине приведе; да га поучи, шта є променљиво и кратковремено, шта ли напротивъ вечно и неугинуемо; да га ослободи исподъ ярма грѣховногъ и у светиню Божїє премудрости уведе.

Управо рећи, безъ Вероисповеди може живити само онай, кои є памећу померїю, или, кои о свачемъ сумня. Но и еданъ и другїй болув душевно.

Убитачна наклоностъ о свачемъ сумняти се, найяча е у оно време, кадъ човекъ прелази изъ година детинства у године пунолѣтства. Зна се изъ искуства, да деца, по природи узраста свогъ, и верую, и любе, и моле се детински; а после, кадъ као млади люди у светъ ступе и са себи равнима се помешаю, чимъ почну сами мыслити и испытивати, сместа падну у сумню о вери; но доцнѣ, кадъ уђу у године зрелогъ мужа, траже навлаштъ веру, убеђеніе и изгублѣно спокойство. Али съ тога, што склоностъ на сумню о предметима вере најсилнѣе на младежь дѣйствуе у онымъ годинама, у којима се умне силе нѣове истомъ развіяти починю, нѣе заключити, да младъ човекъ или дѣвица стоє већ на самомъ врѣру свои сматрања и увиђеня; ерѣ текъ што су се детинства опростили. Понятія нѣова, собственымъ искуствомъ добивена о свету, о природи и судбини юштѣ су оскудна, а судъ нѣовъ о истымъ предметима врло е недозрео. Слѣдователно, склоностъ нѣова на сумню долази одтуда, што су понятія нѣова недостаточна, и што слабачке своє душевне способности бржеболѣ применюю предметима вере.

У онымъ годинама, у којима сила разсуђенія почиѣ се у човеку развіяти, врло често уступа се првенство и власть уображенію. Што е човекъ као дете слушао или научіо, и за готову истину приміо, то му садъ,

акоће и по површномъ испыту, долази као неверојатно, или, као здравомъ разуму противно. Садъ се тога туђи и чисто се страши такво што више веровати. Изъ овога зачне у себи сумњу спрамъ свега, што се цркве и нѣне науке тиче. Радъ бы све то испыту подвргнути, и садъ се текъ сумњима полъ отворило. Чита кнѣиге изреда, неразбирајући за достоинство списателя нѣіовы; противна мнѣнія држи за непогрешна и необорима; оштроумне досетљивости сматра као најболя доказателства, и оно, што се текъ чини, прима за суште и дѣйствително. Збогъ овога се замешателство у глави увеличава; сумња о ономъ, што е пре тога за истину држао, бива све яча, и најпосле на то излази, да све изреда одриче и ништа не веруе. Садъ е безъ Вероисповеди. Но садъ е управъ у најжалостніемъ и најнесрећніемъ станю живота свогъ. Садъ е најшеспокойнін, еръ се налази у станю, кое е противъ природе. Поставіо се супротъ суштества и чувства духа свогъ. Раскинуо е сvezу и съ Богомъ и съ вечнымъ быћемъ. Стои самъ самцить усредъ вселене. Сви благочестиви люди садъ су у нѣговымъ очима или варалице, или глупацы. Цео светъ са тварима на нѣму долази му као нека загонетка. Скоро самъ себе неразуме. Свеколике радости живота немаю за нѣга усладе. У туги и скорби неосећа утѣхе. Садъ му е жао, што е изгубіо ону слепу веру свогъ детинства; а

то му в тимъ жаліе, што види, да в немогућно вратити се више къ нѣой. Тражи светлости и покоя; гади му се на сумнѣ, али не осећа у себи толико крепости и одважности, да се тихой вери у наручія бацы, која бы сумнѣ нѣгове растерала и изгубљѣно спокойство повратила му.

Стояћи човекъ у овако бедномъ станю, бори се непрестано са самимъ собомъ, али нема изгледа на побѣду, потоме, што изъ едногъ заблуђенія прелази у друго; што све оно оће и тражи, што в немогућно и, што в радъ, да све и свашта мери меромъ свогъ чувства и уображенія, уместо да се служи меромъ здравогъ разума. И тако, немогући уображеніемъ своимъ сватити предмете, кои су по природи своіой вечни, духовни и невидими, упинѣ се, да се о быћу нѣовомъ осведочи онако исто, као што се може осведочити о суштествованю овы видимы тѣлеса. Съ одногъ дакле противоречія пада у друго. Садъ га то мучи, што никако не може да представи себи свою собствену душу, и у лютини, што му се то никако не да, одриче и быће нѣно и свеколике чудне моћи нѣне, само зато, што не може да в представи себи онако, као што представля себи друге ствари.

Међутимъ Богъ съ пунимъ величествомъ и съ неисказаномъ любовію говори къ нама непрестано, ово чрезъ она дѣла, која се у нама збываю, ово чрезъ появленія, која се ванъ

насъ догађаю; а у исто време явля се и духъ нашъ у нама, ово чрезъ мысли, ово чрезъ речи наше. А шта е друго природа овы видимы тварій, ако не мысао и беседа божія къ духу човечиємъ?

Сумнячь непрестано самъ себе обманюе, тиме, што оће да види оно, што се видити неможе, и што е радъ, да обичнымъ човеческимъ начиномъ позна оно, што е надземно и више човеческе природе. Онъ бы радъ, да му е све оно подпуно ясно, што жели знати; и радъ бы, да му е та ясность тако подпуно доказана, да се ништа супротъ рећи неможе. — Да у нама душа обитава, то мы на себи опажамо; но чимъ е овомъ свѣдомошчу быће душе наше доказано, сместа е и быће Бога доказано. Да има Бога и да Онъ свачимъ управя, то намъ е Онъ самъ одкрио посредствомъ закона нашегъ мышления, кои су тако устроени, да насъ свагда къ нѣму приводе, и то безъ свакогъ странпутиченя или заузтезаня. Тако дакле Божество е само себе одкрило нашою собственною природою. Зато су сви народи, од како е света, у Бога веровали, ако и нису знали еданъ за другога, и ако и нису имали никаквы сношенія између себе.

Ни еданъ одъ мудраца, колико ии е годъ было на свету, нѣ умео тако просто, аль у едно и тако високо представити управяиѣ божіе са светомъ, као што е то пре три и ляде година Пророкъ Давидъ описао, и то тако разумително, да га и найученія и најпростіи разумети може. Ево како е онъ то представіо: Заръ Онай, кои народе уразумява, и

кои учи човека разнимъ знаняма и уметно-
стима, — ніе у станю накарати га и изобли-
чити? — Зарь Онай, кои е уво саздао — не-
чуе? И зарь невиди Онай, кои е ово око
наше тако устроіо? Псал. 94. стих. 9, 10.

Да бы духъ нашъ одъ болести сумниче-
ни и безбожія излечили, треба пре свега да
избіємо себи изъ главе сваку сумню и да и
немыслимо више о њой. На тай конаць до-
бро ће бити навалице тражити прилику, да
се разсеемо, а поредъ тога да за неколико
месецій ништа немислимо о тайнама вероис-
поведи ни о предметима, кои су надземни.
Тако ће духъ нашъ мало по мало къ себи
долазити и у првацию свою свестъ враћати
се. Са овимъ повраткомъ добиће свою пре-
ђашню независимость и свѣжестъ, и постаће
пріемљивъ за истине, коє су лакопостижи-
ме. Садъ ће се више пута изненада и съ
усхићеніемъ срести са своимъ Богомъ; наћи-
ће сладку утѣху у вечномъ животу; стећи ће
блажену надежду и успокоєніє. Што му е
пре тога было загонетка, то му е садъ ясно
и понятно. Неможе да дође къ себи одъ
чуда, како е то было, да онъ тако просту,
тако ясну истину науке Христове ніе мого
разумети. Садъ е свето Евангеліє срцу нѣ-
говомъ мелемъ, кои му саобштава животвор-
ну силу божію. И мы садъ текъ познаємо,
да е све оно убитачно за човека, што га
одъ любви къ безсмртію одвраћа.

Благочестіе есть светлость, коя осветлява цео духовный светъ. Гди нема благочестіа, ту є тама и мракъ, ту є сметня, передъ и пропасть. Узвишено, благочестиво чувство подмлађує старца, а младињу, дає крепость и мужество, позаимлююћи му мудрость старости. Младињь и дѣвица, докъ су у саюзу съ Богомъ и вечносту, дотле ће се и трудити, да онако и мысле, и говоре, и раде, као што є Бога и вечности достойно. Они у себи носе сведока, коији за то награђує, то єсть, совесть њіову, коя имъ дає на знаиѣ, да су Богу, судіи најтайнии мыслии и желя угодни; и тако се владаю предъ светомъ, како бы за сва што могли дати одговоръ Ономе, кои ће и оне најсилнїе на свету судити.

Што смо годинама старїи, све су намъ то и понятїа о благочестїю яснїя и светлїя; све то болѣ можемо да разумемо науку Христову; све то яснїе видимо Бога усредъ чудеса, кои и на небу и на земљи чини, и све намъ долази славнїе и удивителнїе управлїи његово са судбама нашима.

По овоме дужность є наша неговати и хранити у себи благочестива осеђаня, немораюћи уєдно износити їи свакомъ на видикъ. Она треба да се появлюю у благоговѣнїю нашемъ према свему што є свето; у снисхођењу спрема туђимъ слабостима; у дружелюбномъ суђењу о ближњима; у ревностной готовности

быти одъ ползе и онима, кое познаемо, и онима кое непознаемо; у уважаваню наши старин; у благонаклоности спрема подчинѣныма; у непоколебимой отважности при испуњиваню наши дужностей; — она, то есть, благочестива осеѣаня треба да покажемо и посведочимо умереносћу нашомъ у уживаню; спокойствомъ у беди и несрећи; подражаніемъ свему ономъ, што е добро и, наконца одвраћеніемъ одъ свакогъ зла и грѣха, башъ ако бы се и могли у тайности учинити.

Али, човекъ е слабъ. Благородна осеѣаня изветре; забравесе добра правила. Овај свакидашній животъ, различни послови нѣгови, забаве и толике неугодности често насъ савладаю и свуку доле у ниску областъ овогъ обичногъ животиньскогъ живота. Зато намъ се валя добро упети, ако желимо, да се изъ те нискости подигнемо. Ако ли се забравимо и себе занемаримо, све ћемо се вѣhma понижавати и све ниже падати, докъ се сасвимъ безсловесномъ скоту неуподобимо.

Тако дакле ако си радъ, да благочестиво чувство у теби неослаби, него да све яче и дубль корень пушта, а ты га питай и негуй. Найудеснія прилика за ово негованѣ даће ти се у оно усамљено време, кое си тихомъ богоговѣнью твоимъ посветію. Но и осимъ ове прилике подраной га у себи читанѣмъ благочестивы, зрелы саставака; читанѣмъ све-

тогъ Писма, особито житія Иеуса Христа, Давидовы и Асафовы стихова, и прилѣжнымъ посѣщаваньмъ общенародногъ Богослуженія.

И ове врсте, ови листови написани су зато, да породе у теби побожно чувство. Смотри у овымъ речма гласъ отца твогъ и твоє матере, гласъ свою добры людій, кои те любе и кои желе, да будешъ све савршеніи и срећнии. Познай у њима гласъ свою предака, кои се изъ свои гробова срцу твоємъ одзивлю; гласъ свою блажены, кои те изъ больи светова довикую и зову, да бы и ты некада међу њима места добию.

Али далеко силніє одъ читаня и слушања подѣйствоваће на тебе твоє внутрено саобштеніє съ Богомъ, то естъ, твоя Молитва. Недай, да ти и еданъ данъ прође, да се макаръ на еданъ часъ, макаръ на еданъ тренутакъ неразговоришь съ твоимъ небеснымъ Отцемъ, съ твоимъ безсмертнымъ другомъ. И кадъ уютру устанешъ одъ сна, кои те є опоравію, и кадъ увече трепаvine склапанъ да одпочинешъ, приступи духомъ твоимъ къ Творцу духова, кои сву вселену оживлява: помоли Му се, благодари Му, завещај Му се, да ћешъ се исправляти и больій быти. Моли Му се, као што се Иеусъ молио, съ любовію, надеждомъ и савршеномъ преданосћу: Отче мой, некъ се у свему Твоя а не моя воля испуни! — Моли се, као што се Соло-

монъ молю, не да ти да земна блага, коя ће нестати, него мудрость и силу, да узмогнешъ победити свое слабости и страсти. Моли Му се, да улие у тебе крепость и да ти пода прилику, да што више добра чинити можешъ, и да све больй и савршенй бывашъ, као што е Онъ небесный Отаць савршенъ.

Християнско Благочестіе всть она найвиша мудрость, съ коіомъ смо и Богу мили, и людма повольни. Та висока мудрость неуплази у онакву душу, коя е зла и нечиста, и неживи у онаковомъ телу, ков своимъ страстима робуе. По душе праведника у божимъ су рукама и неће и никаква мука спопасти, ерь е правда безсмртна. Прем. Солом. гл. 1. стих. 15.

Вечный и праведный Боже, Боже светый! Само едно християнско Благочестіе може ме извести на стазу правде, безсмртія и спасенія; — могу ли я то заборавити? Могу ли я кадгодъ на Тебе заборавити? Сметнути съ ума она красна и света обещаня, кои самъ Ти дао? Бацити за леѣа она благодаренія, коя си изліо на мене, на мов родителъ и на целу мою породицу? Шта, заръ бы я мого заборавити на Исуса, божественогъ друга душе мов? Чинити се невестгъ спрѣху Онога, кои ме в са одкровеніяма своимъ и съ Тобомъ упознао? Спрамъ Онога, кои в излюбви къ мени горку смръ претрпю?

Не, не; никадъ ни довека! Одреди се Бога, то бы толико значило, колико себе самогъ презрети и свое собствено спасеніе одбацити. Не, то быти неће! Я желимъ, да се Твой назовемъ, Боже мой и Отче мой! Усредъ толики саблазна у свету, я желимъ Теби веранъ остати. На Тебе ћу управљати погледе мое у часу мои радостій, кадъ ми ии поклонишь; Тебе ћу се држати у време скорби и туге, макаръ се осведочио, да ме надежда моя изневерава; еръ самъ тврдо уверенъ, да ме Ти нећеишь никадъ упустити и заборавити. Ово мое тврдо увереніе усвоіо самъ одъ Исуса Христа. О истини овогъ убеженія могъ уверава ме искусство живота могъ. Па и на самртномъ часу, кадъ ће умирућа уста моя едва моћи Твоє свето име изговорити, познаћу и и осетићу, да ме ниси одъ себе отуріо, нит' си на мене заборавіо.

И доиста, лакше ће се душа моя раставити одъ тела, него и одъ Тебе, Отче мой небесный. Я ћу Те тражити у стварима, кое су руке Твоє саздале; у чудесама, съ коима си сву вселену испунио. Я ћу прилазити къ Теби стазомъ одкровенія, коя ми є мой божественый Спаситель, Исусъ Христосъ саобитіо. Приближаваћу се Теби, любећи добродѣтель а клонећи се свакогъ греха. Невидимый, али опеть свевидећий, свуда присутствующий Боже, кои срца наша испыту-

ѣшь, Теби су познате мое слабости; Ты знаешь за мое грехе и за мою лакомысленость; укрепи ме силою Твоіомъ; помози ми Твоіомъ благодатию, да непоклизнемъ, обколѣнь толикимъ саблазнима. Недай, да ме растави одъ Тебе ни дражестъ чувствена, ни суета, ни гордость, ни сладострастіе, ни лажь, ни ненависть!

Боже дѣтинства моего, ты бѣшь быти Богъ и мое старости. Черезъ Иисуса Христа съ Тобомъ соединѣнь, я више имамъ, негъ што ми цео светъ дати може. Докле Тебе имамъ, дотле имамъ и миръ у души моеіой. Иза мрачногъ покривала овогъ живота одкривашь ми сянь зреникъ; отварашь ми врата спасенія и блажене вечности! —

И М Е Б О Ж І Ё.

Не козмѣши ѿмена Гбспода Бга твоегѡ всѡе: не ѡчѡститъ во Гбсподь прѣймающаго ѿма ѡгѡ всѡе. Исход. гл. 20. ѡ. 7.

Прѣидѣть, поклонѣмса, ѡ припадѣмъ ѡмѡ, ѡ восплѣчемса предъ Гбсподемъ, сотворшимъ насъ. Псал. 94. ѡ. 6.

Има ли когагодъ на овомъ пространомъ свету, кои є тако великъ и славанъ, кои є толико диванъ и милостивъ, као онаѡ Превѣчнѡй, предъ кога величествомъ свака сила и слава людска изчезава, и предъ кимъ є свеколико великолѣпѣ земнородны као зрно песка, коє найманѡй ветриѣъ разноси? Гди є тай крѣпкѡй и храбрѡй; гди ли є тай многомоѣнѡй и многознаменитѡй, кои и само єданъ влать травице произвести, кои са по єдну каплѣицу кише изъ облака изцедити може? — Има ли меѣу людма когагодъ, кои є у станѡ животъ свой, ако ѣе и за єданъ тренутакъ продужити, кадъ се дани живота ѡгѡвогѡ наврше и смртнѡй часъ ѡгѡвъ куцне?

Зашто се размеѣу и хвале безумни люди са величествомъ своимъ, коме после неколи-

ко година неће бити ни гласа ни трага? Заштѣ да се занесе и високо главу дижу, ако су у стану, да себи подобна створени угиѣтавати могу? Зарѣ нису ти исти непреолими пали подѣ ударцима свог непријатеља? Зарѣ нису и они исто онако сишли у гробѣ као и онај најсиромашниј и најнемоћниј човечулякѣ? Да, само е еданѣ великѣ, свесиланѣ и свемогуѣ, и име е Нѣгово — Богѣ!

Заштѣ да се дивимо високој умѣтности духа човеческогѣ и многоискусној вештини нѣговој? Шта су најпосле свеколика дѣла нѣгова, ако ће бити и она најизреднија? Онѣ снуе и гради, склапа и слаже, што ће се кадтадѣ у пра и трулежѣ претворити. Зиди зданија себи за обиталиште; тка рубину и друго платно ков за свое потребе, ков за украшеніе; прави себи подобія одѣ свега што у природи види.

Но зарѣ и духѣ безсловесногѣ скота не открива дивно художество, па јоштѣ гди кадѣ у вишој мери него човекѣ? Зарѣ и онѣ негради себи обиталиште, те јоштѣ како вешто и искусно? Зарѣ пчела и мравакѣ не рада вештѣ одѣ човека? Зарѣ се нећемо дивити мудрости птице, сѣ којомѣ она бира себи место за гнѣздо? или оној вештини, сѣ којомѣ гнѣздо свое гради? И зарѣ се нећемо чудити ономѣ преселиваню нѣовомѣ язѣ едне части света у другу, ков свагда у едно исто време бива? — Занита, само е е-

данъ безгранично премударъ и непостижимо диванъ у своимъ дѣлима. Онъ неснуе нит слаже пра и трулежъ, као што то скоть и човекъ ради; него проицава свако зрно песса, дае му сакривену силу и животъ. И овай непостижимо - дивный и чудный зове се — Богъ!

Има ли буди шта у свету, коє мы превозносимо и чему се дивимо, а да нїе одъ Нѣга постало? Има ли што нїбудь у свету, што мы любимо и радо имамо, а да нїе одъ Нѣга саздано и образовано? Има ли што годъ, што насъ усхићава, а да нїе изъ Нѣгове свесилне Деснице произишло? Има ли што, чега се боимо и страшимо, а да нїе Нѣговой свемогућой сили подчинѣно? Има ли што, чему се надамо, а да Онъ еданъ нїе у станю учинити?

Па што съ већимъ вниманиємъ сматрамо Бога, было у непрегледимомъ простору природе, было у появленїяма наше собствене судбине, све то живлѣ и дублѣ страхопочитанїе у срцу осећамо сирамъ Нѣга, свевышнѣга и пресветога, и съ усхищенїемъ подобно Апостолу Павлу вапїемо: О да дубока ли ти є премудрость Божїя; да пребогато ли є врело Нѣговогъ знаня и разума! Непостижими су совѣти и умыслии Нѣгови. Нѣове стазе и путове неможе нико проикнути. Ко є у станю прозрети, шта Богъ мысли и оће? Ко є юштъ одъ смртны давао савѣта Богу? Є ли икадъ когодъ Бога напредъ задужїо чимъ, па да му Богъ као дужникъ враћа? Та одъ Нѣга, и преко Нѣга све имамо. Зато буди Му слава и благодарность до века. Римл. гл. 11. љ. 33, — 36.

Доиста за истино просвештеногъ мудраца, то естъ, за човека Христїянина, кога неизречено величество божїе скрозъ провицава, нема светїегъ имена одъ имена Божества. И кадгодъ ону кратку, али многозначењу и найсавршенїю молитву, одъ самогъ Спасителя предану на Бога управля, свагда съ найдубльимъ страхопочитанїемъ и особитымъ одушевленїемъ говори: „Да скатится ѿма Твое“; ерь помысао на оногъ единогоъ и найвишегъ у целой вселенной чисто га поражава.

Сви народи и сва племена людска осећаю ово дубоко страхопочитанїе прама Ономъ свевишнїмъ существу, ако се и разликую између себе у начину и обычаю, коимъ Га прославляю. Неки одъ нѣи устручаваю се свето име Божїе на уста и изговорити. Нѣки пакъ кадгодъ га спомену, свагда или смерно оборе очи доле на землю, или ѿ съ благочестивымъ чувствомъ управляю на небо, или се поклоне, или главу свою одкривену држе, да бы тиме као нѣкако и самымъ споляшнїимъ знацьма одкрили, шта у внутрности своїой осећаю, кадъ само помысле на неописано величество нѣгово.

Да видимо садъ, каква треба да су обшества христїянска, светомъ евангелскимъ озарена? Христїяни, имаюћи првенство надъ прочимъ народима, нису ли тимъ самымъ обвезани своє искрено благоговѣнїе справъ Бо-

жества указивати? И заръ Богопочитаніе, коє они Творцу свомъ оддаю, не бы могло послужити за образаць свима остальымъ, са одкровеніємъ неупознатымъ народима? — Кадъ они свето име божіе призивлю, заръ непроницава тада и тело и душу нѣову благоговѣніе, достоинство, любовь и почитаніе?

Но, на жалость, у самой ствари сасвимъ в другіе кодъ нѣи. Многи христіани произнесе на уста име божіе, а о нѣму и немысле. Споминю га као какву врло обичну стварь, па и сама деца, играюћи се по улицама, титраю се съ тимъ именовъ. Родители нѣови купу се нѣиме, и тимъ истымъ именовъ вданъ другоъ записиваю. Да, да, ти исти люди, кои дркћу одъ тежкогъ страха предъ своіомъ влашћу, ти исти, велимъ, люди титраю се са именовъ Сведржителя вселене! Они исти, кои предъ старіиша своима пузе, кадъ што одъ нѣи моле или кадъ се съ нѣима разговараю, са смеомъ и у шали избрбляю уобичаєну молитву, кадъ се Богу моле, и тако су рассеяни, да ни найманѣгъ знака страхопочитанія немож' на нѣима примѣтити, као да нема Бога ни на небу, ни на земљи, и као да є молитва на нѣга управљѣна права будалаштина!

Одкуда ли є то толико презреніе и у ништа цененѣ онога, што є кодъ своіо людій и народа найсветіе? Одкуда толико безчестенѣ и обезсвештаванѣ оногъ висо-

когъ имена, коме се цела вселена кланя? И, што е осимъ свега найуђе, одкуда све то међу овима, кои еднако трубе о себи, да су послѣдователи и ученицы Исуса Христа, сына божіега, кога своимъ Спасителѣмъ зову и у чія божествена одкровенія верую?

Доиста, мора да су за чудо глупи сви они, кои су равнодушни прамъ светомъ имену божіемъ негъ прамъ и чему! О колико то мора тиштати свакогъ човеколюбца, кадъ примѣти међу христіянима и онакове, кои ни толико незнаду о Богу и о святой вољи нѣговой, колико су некада язичници о свомъ злочестію знали! И мал' да неће бити истина, да се међу христіянима доиста налазе такви, кои, ако и есу крштени и, ако се и причешћую, опетъ су зато исто онако дивлѣ и сурове нарави као и язичници; и кои о светомъ закону свомъ, одъ кога се спасенію надаю, исто онолико знаю, колико язичници о свомъ злочестію. И ови и овакови ядни христіяни јоштъ се хвале, да имаю законъ и Благочестіе; али, ево неволѣ, немаю у срцу праве побожности! Издаю се, да у едногъ Бога верую, али у самомъ дѣлу никакво страхопочитаніе прамъ нѣму непоказую.

О како е дивлѣ и запуштено срце и чувство такovy людій! Да чудне слепоте и глупости нѣове! Аль тако е, кадъ се безъ мере троши на светске сыйности, на параде,

театре и друга скупа торжества, а овамо се на драмове мери, кадъ треба цркве и школе задати. Тако е, кадъ свештеницы слово божіе непроповедаю и немаре, да стадо њіово напредуе у познаваню Бога и дужностей свои справъ Бога, ближнѣга и себе самогъ. Како неће бити народъ такавъ глушь и суровъ, и како неће забасати и противу вере и противу добры наравій? Онъ ће, као суровъ и дивльій стрепити одъ бича, кои очима види, а међутимъ ће јавно изсмејавати онај бичъ Свевишиѣга, кои очима невиди! Онъ ће више ценити еданъ тренутакъ уживаня овдѣ на земљи, него сву безконечну вечность! Онъ ће се уздржавати одъ безаконія само зато, да у пакао недође; дакле само изъ страха, а не изъ любви и страхопочитанія прама ономъ Безконечномъ!

Осимъ овы дивльи, суровы, поквареногъ срца людій, кои су единствено збогъ свое крайнѣ глупости у то худо станѣ нали, има јоштъ и други, кои нису прости, ни глупи, него отмѣни и у високимъ достоинствама; али су крайнѣ разпуштени, развратни и сурови. Они су јоштъ у детинству слушали поученія о знањима и уметностима, које су за животъ човеческій нуждне; али на велику штету и жалость нису поучени у ономъ, што е осимъ свега најпрече и најнужднѣ; нису сирѣчь извештени о ономъ урођеномъ теженю духа нашегъ къ Богу, нити е душа њіова одкровеніемъ христовымъ

осветлѣна. — Они, безумни мысле, да су надъ прочима узвышени и одъ своіо наймудрїи, ерѣ умеду необиновено изсмеявати оно, што є свакомѣ човеку свето и неприкосновено. — Они се опазно чуваю свакогѣ оногѣ дѣла и поступка, збогѣ кога бы осрамоћени быти могли, и то само зато чине, нїто їи є стра одъ поруге и срамоте; а добра дѣла само онде творе, где се користи надаю. По ньїовомѣ миѣнїю и мышленю, вероисповедѣ нїє нїшта друго разве гола гадка, коя є измышлѣна, да се простѣ народѣ съ ньоме заварава. Они веле, да добродѣтель нїє нїшта друго, разве єдна проста пристойность, кою треба наблюдавати предѣ очима света, но безѣ кое се може быти онде, гдї светѣ невиди. Єдномѣ речїю, овакови люди нїсу нїшта друго, разве изображени, художественно воспитани полу-скотови, кои незнаю ни зашто друго, осимѣ за ову землю подѣ собомѣ. Небо за ньїи нїшта незначи.

Но ко сме рећи?, да само сурово срце, глушїй разумѣ и слепо суєвѣрїє наводи човека, да обезсвећує оно, што є по себи свето? Колико пута осућенїя достойна лакомысленость наведе човека, те сметне съ ума оно страхопочитанїє, кое Божеству пристои! Колико їи има и таковы, кои као неко юнаштво утомѣ полагаю и цену себи дижу, што смеду свето име Божїє и у найгнуспїой клевети безобзирце употреблявати! А колико їи

е опетъ таковы, кои оће себе да одликую одъ прочи, тиме, што ће они, било у цркви, било у дому, кадъ су еви на молитви, крайнѣ безобразне непристойности на себи показати! Найвећа пакъ часть таковы све само устма ради, и нити у срцу чувствуе оно, нити памећу мысли о ономъ, што устма брбля.

Све ово доведе казано, знатно умалива и ослабљава оно дубоко страхопочитаніе, кое лицама свете Троице пристои, и врло много приноси ко злоупотребленію ти пресветы имена, која не бы требало нигда другчіе на уста изговарати, разве съ чувствомъ особите побожности и благодарности.

Више пута христіяни у свакидашнѣмъ свомъ разговору безъ икаквогъ тако рећи даногъ повода заклињу се и богме се именомъ Божиимъ, и то више потоме, што су одъ младости тако научили, него потоме, што су поквареногъ срца. Кои се често боги, тай нема у себи чувства за оно, што є благопристойно и честно. А друго, таквомъ човеку слабо се може и веровати. У ову погрешку падаю гдикадъ и онакови люди, о којима се неможе рећи, да су злочести, нити се дав о њима предпоставити, да са наведенимъ пресветымъ именама подсмей воде. Обичай овай колико є по себи стиданъ и срамотанъ, толико є за благочестиво чувство вредоносанъ, и тежко ономъ, кодъ кога се сасвимъ одомаћи. Тай га се

неће тако лако опростити, разве, ако на сваку речь свою бодро мотрію буде.

Има іоштѣ едно грешно злоупотребленіе имена Божіеѣго. Люди се по свакій часѣ именовомъ Божиимъ куну, а тимъ истымъ именовомъ еданъ другоѣго записваю. О оваковымъ людма пре се може рећи, да су крайнѣ лакомслени, или да су тай злый и богохулный обычай іоштѣ у детинству одъ свои старіи свикли, него ли, да су посве неваляли и сурови. Ко има обычай за свашто божити се, или узъ сваку речь записвати, тай тимъ самымъ дае о себи знати, да нема чувства за оно, што е пристойно, што е право и благородно. — Свакій онай, кои истину свога казиваня са тако претеранымъ, често богохулнымъ уверенияма доказув, тай тимъ самымъ приводи себе у подозреніе кодъ други, да лаже, и потоме већь напредъ зна, да му се неће веровати; ерѣ кои свагда истину говори, томе мы веруемо и безъ клевете и проклинаня; а напротивъ, ко има обычай лагати, томе мы неверуемо ни онда, кадъ се найстрашнѣе заклинѣ, или кадъ найгаднѣе неув, ерѣ га знамо, да е ветарѣ и брзоплетѣ.

Кадъ христіянинѣ што беседи, треба да е и самъ о истини своихъ беседе убещенѣ; и кадъ има нужду, да беседомъ своіомъ што нибудъ докаже или опровергне, нека се служи са овымъ простымъ и краткимъ речма: „вѣтъ и ніе“. Све друго што е преко тога,

свакій другій уметакъ, состояо се онъ у кле-
тви или у псовки, помрачава истину и при-
води у сумню честность оногъ лица, ков
што казуе.

Я вамъ велимъ, учи насъ Спаситель, да
се никако некунете, ни небомъ, еръ е оно
престолъ божій; ни земльомъ, еръ е она под-
ножаць ногама божіима. Него, реците про-
сто, што естъ, естъ; а што ніе, ніе: све дру-
го, што е преко овога, ніе Богу пріятно. Мат.
гл. 5. ѡ. 24. 35. 37.

Описано злоупотребленіе имена Божіегъ
у обичномъ животу заслужуе не само укора,
него и казни, и то и онда, кадъ небува изъ
злогъ намеренія, нити изъ пакостногъ срца;
еръ кадъ ко зна, да е оно, што онъ твори,
и нѣга и Бога недостойно; ако зна, да га та-
кво дѣло безчести, да срцу и чувству нѣго-
вомъ великій вредъ наноси; ако зна, да тимъ
поступкомъ своимъ дав на себи рѣавъ при-
меръ, съ коимъ толике нѣи развратити
може; кои, велимъ, све ово зна, па опетъ не-
ће да престане одъ тога; кои неће да се од-
учава одъ гнусногъ записиванія; кои неће да
се остави обичая свето име Божіе лакомы-
слено употреблявати, заръ такавъ човекъ не
грешн? Заръ може лакомысленость свою из-
винити тиме, што ће рећи, да е то текъ ла-
комысленость? Заръ се може погрешка каква
извинити тиме, што е погрешка?

Когодъ дакле изговара на уста имена лица свете Тронце безъ свакогъ благоговѣйнаства, тай тимъ самымъ открива на себи, да никакву любовь у срцу неосећа прама оногъ найсветіемъ существу. Та гди в тай међу людма, кои ће равнодушно сносити, да ко нѣму на очигледъ безчести оно лице и оно име, ков онъ любви и у чести има? Гди в то добро дете, ков ће немарљиво слушати, да ко предъ нѣмъ отца или матеръ нѣгову безчести? Гди в тай супругъ, кои ће ладнорвно ошутати, ако ко непристойно што о супруги нѣговой рекне? Тако ли в? Ту смо ревностни и чувствителни; а заръ ћемо равнодушно сносити и допустити, да ко нама на очигледъ скверни свето име Божіе и недостойно Га употреблюв?

Како бы нама было, кадъ бы ко съ нама хтео разговарати се, па бы намъ леђа окренуо, не бы насъ ни погледа свогъ удостоивао, него бы се са ковчимъ забавлио, одъ насъ окренуть? Заръ не бы сместа заключили, да насъ презире, кадъ намъ леђа окреће, и радів се са ковчимъ забавля, него да намъ еданъ любовный, братскій погледъ поклони? — Па шта? Заръ нів истый тай случай кодъ насъ, кадъ мы свето име Божіе призывамо, а у срцу отнюдъ на Нѣга немыслимо? Или, кадъ Му се молимо, а овамо и непознаемо Га? Или, кадъ Му уетма благодаримо, а ср-

це наше о томе ништа незна нити осећа? Заръ то нису очевидни знаци, да мы ни едну искру любви и благодарности неосећамо прама Творцу и Благодарителю нашемъ?

И немой мыслити, човече, кадъ се прама Богу и прама свему што се на Нѣга односи, тако немарљивъ и равнодушанъ показуешъ, да тиме Бога безчестишъ. Не, не безчестишъ Бога, него себе самогъ, свог срца, свой разумъ! Или, може быти мыслишъ, да Бога безчестишъ, кадъ се свакиъ часъ и меномъ Нѣговымъ кунешъ, себе или друге проклинешъ, или записивашъ? Не, не безчестишъ Нѣга, него себе; еръ тиме даешъ свету знати, колико е дивли твоя наравъ, како ли е гнусна твоя лакомысленость, кадъ се безобзирце титрашъ са онимъ, што е найсветіе. Даешъ тиме познати, колико заслужуешъ, да ти се веруе, кадъ што казуешъ, почему свакиъ часъ призивашъ за емца и сведока Онога, одъ кога у целой вселенной нема ништа веће ни светіе. Даешъ познати, колико ти е разумъ ограниченъ, кадъ неувѣѣа и непознае шта ради, а узъ то открывашъ, да скоро никаква, или посве опака понятія имашъ о величеству Божіемъ. Тако дакле знай, да свимъ тимъ небезчестишъ Бога ни Нѣгово достоинство, веѣъ себе самогъ и свог собственно достоинство. Оты, кой ниси ништа друго разве пра и пепео; ты, кой си изъ праа и произишао, како мо-

же твоє буйство, твоє безуміє обезсветити оно, што є надъ свимъ преузвишено, што є безпредѣлно и безконечно? И како бы то могло быти, да єдно зрице трептегь у воздуху прашка помрачи оно величествено блистаюће се сунце, коє сина своє сїюће зраке на све поднебесне стране, съ коима толике светове грїв и осветлює?

Ко свето име Божїє на уста изговара безъ свакогъ благоговїйнства, тай тимъ самымъ дає знати, да нема у себе чувства за оно, што є добродѣтельно и благочестиво; єрь коме є мила и повольна она сурова и дивля наравь, коя наслаженїє неко налази у томъ, кадъ се са пресветымъ именовъ Божества онако безобразио титра! Може ли такавъ човєкъ и мыслити о томъ, да срце своє укроти, наравь свою упитоми и облагороди, и тако путь себи отвори за све, што є велико, што є красно, и што є честно? Та може ли срце нїгово овакова упечатлїнїя у себе примити? Може ли то быти, да се онай изъ свегъ ерца Богу моли и да Га призива, кои є малопре то исто пресвето име найпоругателнїє, на найнесмысленїи начинь, и то у крайньимъ непослицама на уста изреко?

Правый христїянинь, коме доиста на срцу лежи, да срце и наравь свою упитоми и облагороди, а разумъ свой просвети и изобрази; кои озбиля жели да Богу угодань бу-

де, тай треба да укланя съ пута ове оно, о што бы се потакнути могао, а напротивъ да у свакој прилици и при свакомъ дѣлу и поступку свомъ осведочава, да срце нѣгово пламти любовію спрямъ Бога, и да има чувство за све, што є честно, што є красно и што є велико; ерѣ сурово срце и дивля наравь, коя се сама себи допада у продрзльивымъ и нескладнымъ изразима, врло отежчава човеку трудъ, ако є радъ, да се очисти и отресе те дивлячине и суровости, и да се тако реѣи сасвимъ изнутра преобрази и пре-роди. Окорне речи, скаредни разговори и саблазнительне беседе, замућую чистоћу срца, понижаваю достоинство душе. Зато се сви добри клоне оваковогъ дружтва, а неваляцы се іоштѣ больма срођаваю, ерѣ имъ є ту прилика, да се узаймно раздражую и подстрекаваю на сваку непристойность, на свако безчиніє и злочинство, и на задоволяванѣ сваке чувствене страсти, убитачне и за тело и за душу нѣову.

На конаць мимо свега доведе реченога онай, кои свето име Божіє као и све оно, што се на Бога односи, лакомыслено и безъ и найманѣгъ страхопочитанія изговора, тай трує срца и квари наравь невинне юности. И у овомъ случаю дѣло нѣгово єсть право злочинство, ерѣ вредъ наноси єзыкомъ своимъ незрелой юности и нарави нѣне примеромъ своимъ развраћує. О вы, кои сте, да сте,

вы, кои свето име Божіе злоупотреблюете, како можете и помислити, да ћете кадри быти умити страхопочитаніе прама Богу у срца млађи ваши? Вы, Родительи, кои се и уютру, и увече Богу молитє, али на Нѣга и немислите, како можете и помислити, да ће деца ваша имати повереня у Богу, и да ће са сыновномъ срдачношћу на Нѣга, превечнога мыслити? Вы Родительи, Старешине, и ваобште сви старіи возрастомъ, вы сами собственымъ вашимъ примеромъ истреблюете изъ срца невинє младежи любовъ прама Богу и теженѣ къ вечномъ блаженству! Вы сте они, кои искорешоете изъ срца деце своє побожностъ, и учите их, да є вероисповедь предметъ памтеня а не предметъ срца и душе, и да се вероисповеди своє вали држати зато, што є то тако обичаемъ уведено! Вы сте они, кои незлобивымъ душама и невиннымъ срцама соблазанъ даете! Вы сте они, о коима Спаситель говори: „Тежко ономе, кои другима саблазанъ дає!

Многи између васъ може быти нису никадъ ни помислили на то, каква худа и опака слѣдства оставля после себе нѣова несмысленостъ, съ којомъ свето име Божіе злоупотреблюю. Многи између васъ нису може быти нигда тако очевидно познали свеколику гнусностъ тога, казни достойногъ злоупотребленія; но време є, да се строго испытате, време є, да познате и разсудите, колика

сте зла несмысленосѣу вашомѣ починили, па ако опажате, да има у срѣу вашемѣ іоштѣ коя искра доброга, а вы се покайте, покайте се, и то часпре почните се исправляти!

Само два спасителна средства има, помоѣу кои може човекѣ да се одучи одѣ тогѣ злочестогѣ и богопротивногѣ обичая. Ёдно средство состои се у томѣ, да строго и бодро внимамо на сваку нашу речѣ, и да се чувамо одѣ свакогѣ оногѣ израженія, съ коимѣ бы и издалека повредити и умалити могли оно дубоко страхопочитаніе, коимѣ смо Богу, Творцу, и Искупителю душа наши одужени. А друго средство состои се у томѣ, да се старамо, да величество Божіе, Нѣговоу силу и власть, и неисказано милосрдіе Нѣгово све болѣ познамо.

Ерѣ ко Тебе, човеколюбивый, многомилостивый небесный Отче добро познае, како може онѣ на Тебе и помислити, како ли може диѣи очи своѣ къ Теби онако текѣ равнодушно и немарљиво? Како ли се може Теби молити безѣ смысла, безѣ сакрушенія, безѣ благоговѣйнства? Ко познае Твое величество, Твою свемогуѣу силу у тварима природе; и кои е у променама своѣ собствене судбине Тебе познао и отеческу любовь и милость Твою искусіо, како може тай Твое пресвето име ладнокрвно на уста изговара-

ти? Како ли сме поступати съ нѣмъ као са
найнезнатиомъ и наймаловажнѣиомъ тварию?

О Ты вечный и свевѣщный, кога сил-
номъ имену треба сва колена да се поклоне;
Ты, предъ кимъ сви свети ангели ничке па-
даю и сви светови стрепе: чувају се, да ни-
гда до гроба неосквернимъ Твое пресвето
име умаленіемъ страхопочитанія, коимъ є моя
грешна душа Теби одужена! Бы љу точанъ
и строгъ испунитель свою они сполящны
знакова, съ коима смо мы слабомѣни люди
кадри дубоко наше страхопочитаніе прама
Теби одкрити; по нѣма ље други люди по-
знати моѣи моя внутреня осеѣаня, и съ нѣ-
ма љу я моѣи другима за примѣръ и обра-
заць служити; да, ти сполящны обреди не-
говаѣе и поддржавати у мени мое собстве-
но благоговѣйнство. О Отче мой небесный,
некъ се свети име Твое овде на земљи, и
свуда, и свагда! Аминь.

ЧОВЕКЪ ТВОРАЦЪ СВОЕ СУДБИНЕ.

Комѣждо, ꙗкоже Господь даде. Азъ насадихъ, Аполлшсъ напои, Богъ же возрасти. Тѣмже ни насаждамай ѣсть что, ни напаламай, но возвращай, Богъ. Насаждамай же ꙗ напаламай ѣдино сѣть, кѣждо же свое мздѣ прѣиметъ по своему трудѣ. 1. Коринт. гл. 3. стѣх. 6. — 9.

Колико е у свету людѣй, кои немаю ово, што е Богъ мени уделю! Колико е нѣи, кои су се спотакли, обманути желыма тела своегъ! Стаза она, коіомъ су корачали, была е тамомъ покривена, зато и нису могли спазити змию, коя е међу лишѣемъ и цвѣтемъ сакривена была, и коя ин е жаокомъ своіомъ пецнула пре, негъ што су е они усмотрити могли.

Само е оно у моіой власти, што е добро и благородно; што ће браћи моіой на ползу быти; што ће насъ на стази живота сачувати, да непоклизнемо; што ће насъ у беди охрабрити и, што ће намъ уваженіе кодъ свію добры набавити; само е то, велимъ, у моіой власти, и само то по себи заслужув, да се за нѣимъ отдамъ.

Бадь не бы свакій човекъ самъ у себи увѣренъ быо, да онъ може себи путь къ сре-ѣи отворити, само ако в багоразуманъ; заиста не бы ни еданъ себи дао труда, да жребіе свое овде на земљи поболша, него бы се спокойно ослонію на Бога, очекуюћи одъ Нѣгове благодати све што му в нужно. А ли, нема награде безъ труда; нема добита безъ промышлености; нема безопасности безъ предосторожности.

Божіой премудрости ніе се свидило, да човекъ цео векъ свой проведе, ништа нерадећи. Зато га в обдарила слободномъ во-льомъ, да може чинити, шта оѣе. Дала му в разумъ, да разпозна и избере оно што в добро. А да се не бы одъ леньости угнѣлию, пустила в на нѣга многе и тежке нужде, хотећи га тиме приморати, да се помоћу добивены способностей побрине о поболшаню судбинѣ свое. Польску зверадъ оденула в она власатымъ кожама, а птице покрила в перѣмъ, да іи тиме одъ сваке воздушне непогоде одбрани; али човѣка оставила в самимъ нага, ничимъ неотрнута. — Свакомъ скоту и зверу дао в Богъ природно оружіе, да се нѣмѣ одъ непріятеля свогъ одбрани; едномъ в дао яку снагу, другомъ чудну хитрость и брзину; али човекъ ніе ништа получію одъ природе, што бы, на примеръ, шилькастомъ рогу вола, или оштрымъ нок-тима лава, или ячини тигра, или жаоки зміѣ

на супротъ ставити могао. У замену овогъ недостатка дала му е премудрость Божія разумъ и смисленость. Она е тако хотела, да онъ самъ себи набави и одећу, и оружје, и све што му треба. Она га е принудила, да се ползуе своимъ душевнымъ способностями, како бы чрезъ то постао Господаромъ своју животиня; принудила га е, да изъ земљъ цеди, што му е за ужитакъ нужно; да у друштву са створеняма себи подобныма живи, обиталиште гради, села населява и вароши укрепљава и, ради мирногъ и безопасногъ живљеня, полезне законе да измышљава.

Кадъ дакле Богъ позива свакогъ човека, да помоћу свогъ разума и остали свои сила срећу своју тражи, то бы доста слепо и неразумно наданъ своје одкрио свакойо най, кои бы изгледао изъ руку Промысла намиренъ своју свои потреба, безъ икаквогъ свогъ труда и садѣйствія. — Кои е увртіо себи у главу, да ће му све за рукомъ ићи, само ако молитву и цркву непренебрегне; или, кои се нада, да ће ово помоћу милости божіе, ово по срећномъ каквомъ случаю до богатства и чести доћи, о таквомъ ништа друго неможемо рећи, разве, да е по нарави левъ, а по памети сметенякъ. Судимо само, каква бы то безпутна надежда на Бога была, кадъ бы ко себи у главу метуо, да е доста одъ човека, кои жели Богу

угодити и вечногъ блаженства участникъ быти, ако се тврдо пада на заслуге Христа Спасителя, на благодать и милосрдіе божіе, на молитве свои пріятели и ходатайство светы Угодника божія, а овамо бы живію сасвимъ распустно, нецеломудрено и обштевредно!

Не, ніе намъ Твораць нашъ текъ узалудъ дао ове способности и силе. И когодъ пропуншта прилику, гди бы се съ нѣма ползовати могао, тай пренебрегавава залогу, кою му е Богъ вручію; тай презире волю вечногъ Отца; и збогъ злоудогъ правца, кои в духу своемъ дао, пада у неизбежну погибель.

Но каошто е съ едне стране безумна стварь цигло све одъ Бога изгледати а ништа одъ себе самогъ; каошто е неразумно свекоoliko свое земно благополучіе очекивати одъ празности и леньости, или одъ каквогъ среѣногъ случая, а не одъ трудолюбія и прилѣжанія, порядка и штеднѣ: исто е тако съ друге стране безумно у свему само на себе и свою снагу уздати се, а ништа и ни у чемъ на милость божію. Шта смо мы безъ Нѣга? Како бы мы бедни были, кадъ не бы Онъ трудове наше благосиляо, кадъ не бы Онъ сва обстоятелства живота нашегъ тако управляо, да оно, око чега се мы трудимо, на дѣйствителну нашу ползу испадне! Узалудъ кваси землѣдѣлаць нѣиву свою зноемъ чела свогъ: киша, буря и градъ могу све опустити. Бадава снуємо планове, како не-

мо себе, породицу свою усрећити: стали су намъ на путъ страни люди, съ противнымъ мнѣнїяма, и побркали намъ цео планъ нашъ, ништа о томъ незнаюћи, шта смо мы намеравали. Одтуда е и постала она стара, безчисленнымъ случаима потврђена пословица: Човекъ предполаже, а Богъ располаже!

Найважни догађаи у животу нашемъ често нису ништа друго него слѣдства таквогъ обстоятелства, које ни у край памети нисмо имали, или, на које нисмо ништа држали. Често се догађа, да одъ оногъ најманю ползу имамо, око чега смо се највише трудили. Да, и то не редка стваръ была, да е судба две противне войске, па боме и судба читавогъ едногъ царства зависила одъ малогъ каквогъ случая, кои е сву силу и мудрость човеческу посрамио.

Мы съ наше стране имамо свою слободну волю, свое силе и свою предусмотрителность: а Богъ са свое стране држи у десници својој сва обстоятелства; па чрезъ, и посредствомъ нѣи управля и влада съ людама, благосїля или у ништа обраћа, што смо започели. — Какое то? Па да шта значе ове речи: Човекъ е твораць свое судбине? — Есу л' то речи, које немаю смысла? — Есу, донста речи безъ смысла, но у томъ случаю, ако подъ речію „судбина“ разумевамо мы такве догађав, кои нису у нашој власти, ако ћемо да распростремо господарство наше и

на оне предмете, кои су врло удалѣни одъ нашегъ улива. Каошто не може човекъ руку свою дотле протегнути, да њоме сунце застави, или да премести звезде у друге нове стазе: исто тако не може онъ по својој вољи располагати мышленѣмъ, вољомъ и дѣлама людѣй съ којима онъ живи. Све е то ванъ граница њгове снаге и моћи. Но одъ свега тога и независи њгова права срећа. Одъ тога зависи судба само онога, што и непринадлежи њму засвагда, каошто е: судба њговогъ тела, њговогъ благостаня и њговы отношенія грађански. Кои држи, да се у овимъ предметима срећа или несрећа њгова состои, тај е врло слабу подпору нашао свомъ спокойству. Онъ ће довека бити и грачка променљивы обстоятелства. Съ њима ће се кадикадъ пеняти у висъ, а съ њима истима падаће у бездну.

Та нѣ главна стваръ у човеку тело њгово са своимъ потребама, него духъ као источникъ мышленя и дѣятелности. Али опетъ зато ни владарство духа непростиресе далѣ, осимъ на њга самогъ. Онъ може, аљ и то само своју срећу, само своју судбину стварати и уређивати, а не и оны предмета, съ којима стои онъ у сношенію, докъ е овде на земљи; еръ то е подчинѣно земнымъ законима. Дакле, кадъ се каже: „Човекъ е твораць своє судбине,“ то ће рећи: у њговој власти стои бити срећнымъ или несрећ-

нымъ, и то безъ никакве зависимости одъ сполишньи обстоятелства.

Идсита, то стои у нѣговой власти; ерѣ зато му е и дао Богъ слободну волю, смысао и дѣятелне силе; дао му е предусмотрителность, на искуству основану, да бы у стаю быо набавити себи разне усладе и пріятности живота; дао му е найпосле премудрость Исусову, да набави себи внутренѣ и стално благополучіе; ерѣ човеческа мудрость са свеколикимъ благоразуміемъ може насъ оманути, али премудрость Христова нигда. Човеческа мудрость меня се по обстоятелствама, а Христова се нигда неменя, него е свагда една и иста, основана будући на вечнымъ уставима Божіимъ, кои у свету постое.

Къ овымъ уставима Божества принадлежи и слѣдуюћій законъ: Свако добро има добра слѣдства, а свако зло прате зла слѣдства и найпосле само себе сатяре. “ Гди годъ нравственный животъ существуе, ту и овай законъ господствуе. — Пыташь ме, шта е добро? Добро е воля Божія, кою е Исусъ Христосъ одкрыо. А зло? — Зло е презиранѣ истиногъ добра, за любовь свои чувствены желя.

Когодъ дакле оне и твори оно што е добро, тай тимъ самымъ быва виновникъ безчислены добры слѣдства. Свако честно дѣло, ков мы на подобіе семена посеемо у

нъиву живота нашегъ, донеће намъ благословъ Божіи. Мы собственымъ очима гледамо, како сазрева око насъ плодъ наше христіанске любви, и самымъ погледомъ тимъ засићава се срце наше найузвишенімъ удовольствомъ, самымъ чистымъ благополучіемъ. И мы смо тада сами собомъ задовольни и предовольни, и мили намъ се живити. Истина, то се лако може догодити, да ћемо мы, при свемъ томъ велику оскудицу трпѣти у овимъ спољашњимъ благама. А може и то бити, да ћемо се лишити и самогъ овогъ благостаня, у комъ се засада налазимо, ако намъ обстоятелства буду противна. И то ће насъ яко опечалити; али зато опетъ наше внутренѣ спокойство неће се нарушити. Скоримъ ће насъ нова радость обасјати, потоме, што нисмо ни држали, да њ права срећа наша у овимъ непостояннимъ благама светскимъ. Само онај човекъ може изгубити спокойство и задовольство свое, кадъ у станю своемъ посрне, кои свое достоинство и чистоћу истине непознае, и кои сву срећу своју полагае у неги и угодностима. Одтуда и бива, да неки изъ очаннїи сами себи смрътъ задаю, збогъ тога, што се немогу више наслађавати благама, коя су имали па изгубили.

Свако добро прате устоице добра слѣдства, и чине велику радость срцу нашемъ. И не само што насъ блаженнымъ чувствомъ испуниваю, да смо Божія чеда; и да насъ, пошто овај земный животъ одсновамо, дру-

га боля судбина очекув у вечномъ блаженству: него іошть имаю покадкадъ якій упливъ и на овоземска наша одношенія. Заръ честна човека, човеколюбца, добротвора сиротѣ, миролюбива и кротка христіянина нелюбе сви кои га познаю? Постигне ли га каква несрећа: сви одъ свегъ срца участвую у судбини нѣговой. Свакъ радо помаже ономъ, кои е другашъ самъ другима радо помагао. — Ко неће почитовати домаћицу и матеръ, коя се о кући добро брине, кодъ ков сви по-слови домаћи уредно иду и коя уместо преке речи, са свакимъ любовно поступа? Ко е неће уважавати, ню, коя собственнымъ примеромъ учи децу свою добродѣтели; ню, коя и справъ млаћи свои уме бити ласкава, безъ да се понизи; коя в справъ сусѣдны и познаты лица преучлива и искрена и, коя се кодъ свеколики свои добродѣтельій безъ свакогъ притворства смирава онде, гди бы толике друге Богъ зна како сїяти желиле?

Тако самъ Богъ оће: да свако добро има и добра слѣдства. Одтуда е и постала она давнашна, одъ толико столѣтїя потврѣна истина, да нема болъ мудрости негъ што е добродѣтель. Догађаю се у животу таква обстоятелства, изъ кои неможемо предвидити и знати, шта ће за насъ бити полезно; али нема подъ небомъ таквогъ обстоятелства, у комъ не бы могао човекъ знати, шта е чесно, шта ли праведно. Прозорливость

наша може насъ често обманути, али совѣсть не да се тако лако преварити. Желити оно што е добро, у нашої е власти, али, како ће оно успѣти, то одъ Бога зависи.

Тако дакле ако озбиљомъ желишъ бити творацъ сређе своје, а ты небери бригу о томъ, какавъ ће успѣхъ дѣла твоего имати, него о томъ, да су ти дѣла добра и честна. Ты не можешъ све урадити. Само текъ едну маюшну часть добра можешъ ты учинити; а оно, што ты не можешъ, учиниће и урадиће други люди, праме сили и снаги својој, те ће тако све више бити у свету добра, кога ты желишъ. Еданъ сев и сади, другій залива, али само еданъ Богъ узрашћуе и дав изобиліе. Свакій пакъ добиће награду праме ономъ, како се трудіо. I. Кори. гл. 3. стих. 8.

Свако зло по уставу Божиємъ има зла слѣдства, и само ће себе сатрти. Ко се сдружіо са онымъ што е зло, тай е самъ себи яму ископао. Да е ово истина, уверавамо се свакидашњимъ искуствомъ у животу. Погледајмо на тврдицу: онъ умире одъ жеђи украй источника. Погледајмо на честолюбца: борба и немиръ бацаю га на муке. Погледајмо на развратника и блудника: улицу е пребледіо, очи му упале, крвь е у нѣму сва отрована, живцы су му разслабљени. Погледајмо на пивницу: жигъ порока свогъ на себи носи; и паметь и чувства затупљена су му; болести га испедила и пре времена си-

лази у гробъ. Погледаймо на притворна и лукава човека: свакій га се клони; нема ни у комъ искреногъ друга; пострада ли што, свакій се смее несрећя нѣговой. Погледаймо на гордельивога трошацию и расничага: онъ самъ себе упропашћуе и више пута принуђенъ е молякати за помоћ оне, кое е претога презирао.

Одкуда ли е то, да мало има людій у свету, кои су или подпуно срећни, или сасвимъ несрећни? То е одтуда, што люди ни су ради толико подати се, па да буду сасвимъ зли и неваљали, а овамо немаю толико мужества, па да свагда честно и добродѣтельно живе. И тако, немогући се сасвимъ рѣшити, било на едно, било на друго, колебаю се непрестано између спокойства и свакчасногъ страдања. Оно нешто мало добра, кое изъ любви творе, награђуе их, као што их напротивъ грѣхъ, у кои свакій часъ надаю, наказуе, навлачећи на них свакојке беде и неволѣ. Ако дакле желишъ сасвимъ и подпуно срећанъ бити, а ты се помакни далѣ и небуди текъ упола добаръ и упола добродѣтелианъ.

Порочанъ човекъ самъ е кривъ, што е беданъ, што е боленъливъ, што е неспокоянъ, и што е себе до очаянја довео. Ко може о овомъ двоумити? А исто тако правичанъ човекъ може доћи до постојногъ задовольства, то естъ, онъ може самъ себи

створити такву срећу, коју никаква човеческа сила ніе у станю одъ нѣга отети.

Но човекъ е вреданъ и више што учинити, а камо ли то само. Онъ може, руковођењемъ своимъ добродѣтельнымъ чувствомъ, не само срце свое постояннымъ благополучіемъ оградити; него може, напоенъ премудрошћу Исусовомъ, и ово споляпнѣ светско станѣ поболшати, па и узвисити се надъ судомъ своіомъ, ако бы ова и посве жалостна была. То е она висина, до кое се човекъ овде на земљи понети може. На той точки стои онъ узвишенъ надъ свимъ земальскимъ догађајма, и рекао бы човекъ, да пробіаю изъ нѣга зрацы божественогъ савршенства. Нека хун олуя што игда може, — онъ се нестраши нѣногъ беснила врѣ га ни стићи ни потрести неможе.

А е ли то могућно одъ човека? Ко ће му помоћи, ко ли ће му позаймити такву душевну снагу? Заръ ова светска мудрость? Заръ обична наша прозорљивость, снискана дуговременымъ искуствомъ? Ахъ, не она, не; него едно едно Благочестіе. Само една божествена истина кадра га е до те точке узвисити, ако га иначе зрацы нѣни скрозъ проничу. Онъ треба о томъ да размышљава, чему га учи Исусъ. Онъ треба да е онакавъ какавъ е Исусъ быо. Сазданъ будући по образу Божијемъ, треба да представља у себи часть Божества, и да живи само у Богу и ради Бога. Тако текъ, подъ тимъ условіама може онъ бити твораць свое болѣ суд-

бине, коя ќе га подири више своју земаљски прикљученія.

Желиш ли озбиљомъ, да приспешъ къ овой божествено-великой цѣли, а оно валя ти се упознати съ томъ мыслію, да е главнѣйшій задатакъ твога жиѣна овде на земљи: усавршенствованѣ твогъ безсмртногъ духа; треба ти се привикнути на ту помысао, да и знатность, и достоинство, и богатство, и знаѣ, и лепота, и способность, и здравлѣ, и болестъ, и дружба, и гоненіе, и среѣа, и несреѣа, треба ти се велимъ привикнути на ту мысао, да су сва ова текъ гола средства за постиженіе оне єдине, више и последнѣ цѣли. Валя ти се обикнути той мысли, да изъ своју твои преимущества неће ни єдно при теби остати; да ти е све текъ у займъ дано; да ќе и оно проѣи, што си трудомъ своимъ набавіо; да ќе и пріятельи твои, и родители, и браѣа, и сестре, и жена, и деца твоя, да ќе, велимъ, сви они текъ за неко кратко време съ тобомъ заедно по стази живота корачити. Имай на памети, да си ты съ твоимъ духомъ текъ за неко кратко време овде на земљи, не другѣе, него као угостима, и да ќешъ се опетъ повратити у своју постоябину. Помысли, да си одозго посланъ, да извршишъ волю Отца, кои те е послао, коме ќешъ се и опетъ вратити, пошто наручено ти дѣло свршишъ. Обикни се той мысли, да само у єдномъ Богу имашъ постоянногъ и свагдашнѣгъ Отца;

да су сви духови човечески безъ разлике браћа твоя; и да в ово наше тело текъ една проста одећа нѣова, коіомъ се служе, докле посланство нѣово овде на земљи трае.

Ако те в ова велика мысао, ова висока истина, која се у науки Спасителя нашегъ налази, скрозъ проникла: то ћешъ ты савсимъ другимъ очима светъ овај сматрати, а не онако, као што си га досадъ сматрао. Тебе ће стидъ бити, да се дашь заробити одъ прелестій и желя, коє се у телу твоємъ рађаю. Ты ћешъ се стидити, што ниси извршио оно дѣло, коє ти в Богъ наложио, кадъ те в на землю послао, него си се бринуо, како ћешъ угодити себи суєтнымъ удовольствама, кои толико вреде као и онај пра, кои ногама газинъ. Ты ћешъ онда у свакомъ случаю умети разпознати животъ одъ обсене; ты ћешъ се наочигледъ уверити, да те нїє Богъ послао на овај светъ само зато, да обрађуєшь поля, да куће зидаєшь, да заузимаєшь почестно место у садружеству грађанскомъ, или да се у скупоцене альине огрѣєшь; него и зато, да будєшь сатрудникъ Божїи у великомъ дѣлу любви, то єсть, у свеобштемъ блаженству човеческогъ рода. (I. Корим. гл. 3. стих. 9.). Онда ћешъ текъ ты разумети, шта значе ове речи Христове: Уместо да се бринете, шта ћете єсти, шта ли ћете пити, чимъ ли ћете се оденути; уместо овы грешны брига, болъ ће бити да се потрудите, да се съ Богомъ савдините, да

сте на суду нѣговомъ оправдани и да благоводеніе нѣгово задобіете. Све друге земальске потребе да ће вамъ се као прида. Мат. гл. 6. стих 33. И тако, будимо задовольни, ако имамо чимъ гладъ заситити и оденути се.

И ты ћешъ онда оживити, не збогъ тога, да благо нагомилавашъ, кое ћешъ оставити, чимъ твой смртный часъ куцне; него зато, да по могућству и силама твоима помогнешъ разпрострети мудрость и блаженство међу свима людма, кое є промысао Божіи у тешный саюзъ съ тобомъ поставіо. У срећи и благованю своју наћићешъ свою собствену срећу, и нити ћешъ хтети знати за другу какву срећу, нити ћешъ є тражити.

Случайно да бы злобни, скотскимъ чувствама оддани люди разрушили зданіе твогъ благостаня, ты ћешъ ии само смешеѣи се сажалѣвати, што су тиме изпустили изъ руке лепу приляку, да имъ и далѣ полезанъ буденъ. Ты се нећешъ ии онда ожалостити, ако бы те ова непостоянна земальска срећа лишила и твога достоинства, и твои почестій, и твоє власти. Шта те є стало наипосле, оће ли тело твоє, пошто умрешъ, замотано быти у просто платно, или ће покривено быти свиленымъ огрталомъ, кадъ ће и едно и друго у гробу изтрунути. Духъ на то негледа. Предъ нѣимъ и просто платно и свила одну имаю цену. И незнамъ ка-

кву ђешъ услугу имати одъ тога, ако те люди овде на земљи назову великоможнымъ или просіякомъ. Празно име нит' ђе што додати, нити што одузети моћи достоинству твоємъ у царству Божіемъ, у области духова. Какво му драго да е твоє споляннѣ станѣ, опетъ зато ђешъ ты остати у очима Божіима онакавъ, какавъ си по себи. Царь небесный несуди по ономъ, како се ко показуе; то е измышленіе човеческе суєте, судити по ситничарскомъ размеру и прама споляннѣмъ изгледу.

Ты се неђешъ суждати ни онда, кадъ те болестъ на постелю обори; ерь болестъ у твоимъ очима ніе ништа друго, него разрушеніе твога тела, о комъ знашъ, да е текъ едно гвѣило орудіе твогъ духа. Богъ га узима одъ тебе, да ти да у замену друго, далеко савршеніе. Ако ли болестъ ніе смртоносна, то онда знай, да Богъ, попуштаюћи болестъ на тебе, ође да те опомене, да се на то твоє тронно тело много не уздашъ. Но было како му драго, ты ђешъ се и онда радовати, кадъ теломъ узболуешъ, уверенъ будући, да ти е душа здрава и да духъ твой, збогъ болести тѣла нинаймаиѣ нестрада. Ты не само да се неђешъ идиковати, него ђешъ и спокойнѣ быти у ерцу, ако смръть покоси оне, кой су ти наймили. И они су исто тако као и ты позвани были, само е та разлика, што су они поверено имъ одъ Бога дѣ-

ло овде на земљи са неколико дана раније свршили одъ тебе. Но уместо стазе оне, којомъ су овде на земљи корачали, и съ кою су сада позвани, указаће имъ Богъ другу, нову, преизредну. Таква и тебе очекуе, кадъ у свое време тамо приспешъ. И немој се снуждавати, што ће тело њиово у гробу изтрунути и у пра и пепео претворити се: еръ могу мислити, да си ты душу њиову любіо а не трошно тело. А та иста душа остаће ти верна и привржена и после. Сродство твоје съ њомъ неће се разкинути. Она е у Богу; само гледай, да и ты останешъ у Богу, па се небој нигда разстанка за навекъ. Ако овако будешъ мислио и осећао, никакавъ на свету случай неће моћи твоје спокојство нарушити; никакавъ на свету догађај неће бити у станю тишину душе твоје узнемирити, твою праву и постоянну срећу узмутити. Дакле, немамъ ли право, што ти кажемъ: да е свакиъ човекъ твораць свое судбине? И може ли те, буди каква земна бура заљюляти или те се и дотакнути?

Такво е било овде на земљи Твоје узвишено блаженство, о пребожественый Иисусе! Ты си презирао ове земальске ствари, и само си се оида служио съ њима, кадъ е човеческа Твоя природа то требовала. Ты си любіо све оне, кои су те окружавали. Ты си ихъ називао, да су чеда Божія и Твоя браћа. Дѣло, кое Ти е поручено было, кадъ си на землю дошао, состояло се у томъ, да

грешногъ човѣка ослободишъ оны окова, у кое га е бацила глупость, заблуѣненіе и грешеніе; и да га тако избавишъ изъ робства, у кое е запао збогъ тога, што е страстима тела свогъ говео. И ово званіе Твое имао си свагда предъ очима, кудъ си годъ крочио. Ё ли Те народъ хотео извикати за цара израилскогъ, или Те е хотео каменати: за Тебе е то было свеедно. Твой божественый духъ нѣ се на то обзирао. Ахъ, Твое високо посланство и дѣла Твоя нису разумели, ни глупа простота, ни гордосћу отравани воѣе нѣни. Ты се ниси узтезао сиѣи доле међу насъ; нити си се устидіо явити намъ се у овой грешной плоти. Ты више пута неимаѣаше гди бы главу свою склоніо, и опеть се нигда непожали, да си несрећанъ. Светске ствари нису имале цене кодъ Тебе, ерь си ты живіо као да си на небу быо. Претрпіо си неправде, увреде; сносио си люта гоненія и саму найзбезобразнію поругу одъ народа; али оно светло увереніе твое узвисило те е надъ будаластымъ мнѣніемъ простоте и гомиле. О царе духова, у Твомъ духовномъ царству и честь и стидъ сасвимъ друго нешто значи, негъ што ѿны, полуживотна створеня разумевамо. Твое бавленіе овде на земљи свршило се у тридесеть трећой години века Твогъ, — но Ты си надвладао стра одъ смрти и научіо си люде нестрашити се смрти. О Спасителю света! та Ты си умрео, испунивши твое

посланство овде на земљи сасвимъ божественнымъ начиномъ.

Допусти ми, и да живимъ и да умремъ у Теби! Допусти ми, да будемъ твораць мое судбине, али текъ чрезъ Тебе, Творца могъ вечногъ жребія! Аминь.

С О В Ъ С Т Ь.

Похвалѣніе наше ѣсть, свидѣтелство совѣсти наше ѣже въ простотѣ и чистотѣ совѣсти, а не въ мѣдрости пабти; но благодатию божією жиѣхомъ въ мірѣ, мнѣжавъ же ѹ вѣсѣ. II. Корин. гл. 1 ѣ. 12.

Боже Светый! ништа насъ у свету не може веселити, ако намъ душа нѣ чиста. И злато и свеколико богатство претвориће се кадтадъ у пра'; найсвѣтлѣя лепота потамниће и увенути. Само една спокойна совѣсть, неузмућена греомъ, слади намъ животь и мири насъ и са самомъ смрѣу.

Свакій човекъ, быо онъ коѣ му драго вере, чувъ, у себи некій страный, некій светый гласъ. Да, и сами дивляцы чую га, и ако посве ништа не знаю о Одкровенію божіемъ. Гласъ овай свагда в буданъ у човеку, и нити се може обманути ласканѣмъ, нити се дав застрашити гнѣвомъ и претнѣомъ. Никакво мудриченѣ не може га надмудрити и надговорити. Онъ непрестано говори къ човеку: Човече! чини оно што е право!

Залудъ се размеће подсмевачъ Благочестія са своіомъ подрзльивомъ лакомысленостю, износећи, да све у свету одъ слепогъ случая зависи; да в света вера текъ просто

народно предубеженіе, а христіянство узда државоправленія. — Залудъ се упиѣ да докаже, да е добродѣтель текъ едно измышленіе или голо лицемеріе и притворна побожность. Залудъ самъ себе уверава, да е све оно добро, што мудрость, лукавство и себичность препоручуе. Залудъ се труди доказати, да цео овай великій, безпредѣльный светъ нема свога Творца, и да нема надъ свима людма едногъ общегъ судіе и воздателя. Залудъ му е, велимо, савъ трудъ, кадъ му гласъ онай изъ срца непрестано више: Човече! ты лажежъ, кадъ то говоришь!

Но гле! земля се тресе подъ нѣмъ; рушесе великолѣпни храмови и дворови; — они, кои су срцу нѣговомъ наймили, на нѣгове очи издишу и у дубоко ископану раку падаю! — Гле, дигла се страшна олуи, стои кука грмлявине по широкимъ сводовима неба, громови падаю на землю и домъ нѣговъ букти у пламену! Алъ садъ се изсмевачъ Благочестія веѣ више не руга и неразмеѣе. Има природа, има вселена свогъ Творца; има Бога! говори му ясно онай внутреній гласъ. Да, има Бога! проговара претрашнѣный изсмевачъ, и савъ дркѣе.

Залудъ и злочинаць изсмеява свой внутреній, светый гласъ, и као тѣши себе, да тога у самой ствари и нема, него се текъ тако говори. Зато и презире сваку опомену тогъ гласа, кои е у очима нѣговима голо пред-

разсу́женіє, упушта се тайно у свакій грехъ и кичельиво обзираући се гордо пыта: Гди е тай Судія, кои ће ме судити? Али му онай внутренній гласъ проговара: Човече, крый ты твой безакона дѣла колико ти драго; претрпавай твой злочинства чимъ ти драго; стой, на глядай, она ће кадъ тадъ на видило доћи! — И залудъ тражишь дружба и забаве, части и веселя, пламень онай у срцу свуда те прати, искра она паклена и тамо те жеже. — Залудъ се брещашъ, трзашъ и отимашъ, да се изъ обштегъ, вечно утврѣногъ поредка света изузмешъ, по комъ само оно напредує, што є по себи добро; а свако зло пропасть и погибель раѣа: нека невидима сила вуче те собомъ, и како тебе тако и дѣла твой веже и прикива за тай истый вечно утврѣный поредакъ света. Изъ самы найтайниіи сагрешенія твой кля убійство и пропасть, и ты ниси у станю то предварити. Ты бы самъ одъ себе бегао, да можешъ, да, ты єднако бежишь одъ себе самогъ. Врло си неспокоюнь и то неспокойство єде ти животъ; али гласъ онай внутренній вели ти: Човече, Богъ є свуда и на свакомъ месту!

Залудъ гонишь истину, о ты, завидльивый клеветниче! Залудъ ти є сва мука око тога, да похудишь онай венаць награде, кои праве и чисте заслуге увенчава. Све оно, што уста твоима каляшь и оговарашъ, самъ у срцу потайно одобравашъ, ценишь и

почитуешъ. И ты неси скончати са срамотомъ, коя не на твою главу пасти!

Залудъ гонишь невинность, ты, свирѣпый тиране, само да своя собствена безаконія покрѣишь! — Залудъ е гонишь и приводишь лажна сведочанства и лажне заклетве противу нѣ! — Залудъ е страшишь са подмиженымъ судовима, и претишь іой са мрачнымъ тавницама, тежкимъ оковима и горкимъ мукама: ненешъ е, небой ее, побѣдити! Сва твоя противу нѣ умышленія и ушнѣня на очигледъ изсмеява, и у средъ свои горки суза и мука смеши се; а ты напротивъ у средъ твое лажне славе и привидне победѣ стрѣпишь и презашъ! Она е спокойна и радостна и у самымъ оковима, а тебе лютый пламень жеже у средъ сластолюбія твояго! Та, шта да ти говоримъ далѣ; поведи е на губилиште, опеть знай, да е смръть нѣна уедно и нѣна победа; а победа нѣна естъ твоя осуда!

Ето, где, какву силу има совѣсть! Она, као некій невидимый анѣо, свагдашнымъ присутствомъ своимъ межу людма, брани истину, правду и невинность, макаръ цео светъ на нѣи викао! Она гони злочинца, макаръ се онъ у найирачнѣ пѣнине завлачио и крио! Она наказуе грѣшника, макаръ небросно число оружаны телохранители око себе имао!

Богъ е у срце свакогъ човека неизгладимымъ писменима урезао некій законъ, кои му

казуѣ, шта е истинито, и шта е право. И то е божественый гласъ совѣсти. Сви народи и сви дивляци познаю и осећаю у себи овай светый законъ божіи, овай гласъ совѣсти. И кадгодъ што человекъ учини, сместа совѣсть са мыслима суди о томъ, па, или одобрава и похваљуе, или неодобрава и осуђуе. Рим. гл. 2. стих. 14, 15.

Совѣсть е првый, найбільй и найпоуздани учитель свакогъ човека. Она и оногъ најпростіегъ незналицу уразумљава и упуђуе, шта треба да чини. — Потоме некъ се нико неизвинява за учинѣне свое погрешке ни предъ светомъ, ни предъ самымъ собомъ, а јоштъ маиъ предъ свезнаюћимъ Богомъ, као да е зато сагрешіо, што ниѣ знао, шта е право, шта ли неправо.

Совѣсть учи свакогъ човека. Она се не да подмитити. Судъ њѣиъ свагда е праведанъ. И доклегодъ человекъ овай њѣиъ светый гласъ узслуша, нека зна, да никадъ неће навалице погрешити, и бы ће у срцу врло спокоянъ и задоволянъ. — Човече, повиуйсе науки тогъ внутренегъ учителя, па макаръ те како чувственость твоя на страну мамила и одвраћала! Слушай добро, шта ће ти она рећи, кадъ у сумню паднешъ, е ли то и то право; или, кадъ двоумишь, оћешъ ли поћи онамо, куда те желъ и наклоности твоє свомъ силомъ вуку; или кадъ се поведешъ за корисћу, коя е неправедна, и са штетомъ

ближнѣга саюжена; или, кадъ наумишь добро дѣло учинити, али те користолюбіе и своелюбіе одвраћа одъ тога, боѣши се жертве, за кою оно неће да зна.

Ты, може быти смышляшь потайно, како ћешъ се осветити некое, коме ниси добру радъ; а совѣсть ти вели: Не! немой се светити. Буди великодушанъ и покажи му, да си больій одъ нѣга. Тиме ћешъ га застидити. — Може быти, да тело твоє непристойне желѣ распиню; може быти, да те прелесть сластолюбія мами на преступленіи и разпуста; али совѣсть те опоминѣ, говорѣши: Шта, продрзливче! Заръ оћешъ да отруещъ невиность срца свогъ едомъ пакленогъ порока? Заръ оћешъ да разоринъ твой рай у грудма, као негда сатана? — Може быти, да те в срце повукло за онымъ што в туђе; ил' ти є, мож'да зинуло срце за нечимъ, што бы се съ преваромъ лако добыти могло: али совѣсть те светує, да се ованещъ тога, као и свега онога, збогъ чега бы се самъ одъ себе стидити морао! Та коя бы ти полза была, да целогъ света блага стечешъ, а да душу свою огрешинъ? — Може быти, да те суєта твоя голица, да оштроумномъ шаломъ и досетливочу твоіомъ насмеешъ себе и другога, ругаюћи се некомъ отсутствующемъ; али те совѣсть укорава, говорѣши: Увуцы тай продрзливый языкъ, клеветниче! Како ли бы сместа умукао, кадъ бы се тай,

коме се ругашъ, и кога изсменявашъ, настан-
путь до тебе створио!

Да, совѣсть учи свакогъ човека, и то озбиљно и правосудно! И веруй, човече, нема за тебе другогъ пута, ни друге стазе, по којой бы до среће свое доснети могао, разве, да се гласу совѣсти твоє свагда покоравашъ. Немой да самъ себе подговарашъ, као да и мимо ове послушности можешъ быти срећанъ. Нити мудруй, нити извѣй садъ ово, а садъ оно, нарочито онда, кадъ те срце повуче, да запрећене и грешне желѣ и наклоности свое задовољишъ; еръ ће те собствено твоє чувство укорити, кое ти казує, шта є право, шта ли благопристойно. Видишъ дакле, да є твоє мудрованѣ лажно! — Тебе нешто мами, да учинишъ оно, што є забранѣно и грешно; но добро знай, да те иза тогъ забранѣногъ и грешногъ дѣла очекує сакривено казниѣ. И немой мыслити, да ће совѣсть твоя на неко поравненіє съ тобомъ пристати, или да ћешъ моћи съ ньоме уговарати; еръ она ни єдну длаку одъ свога не уступа. И свако покушеніє твоє, на буди какве уговоре са совѣсѣу твоіомъ, принеће ти срамоту и безчестіє!

Совѣсть учи свакогъ човека, и то са божественомъ силомъ! Она свакомъ просто и разговетно каже: то чини, а онога се клони; тако є право; и башъ зато, што є тако право, треба то да чинишъ, а онога да се

кловишъ, а не зато, што се одъ првога на-
дашъ користи, а одъ другога боишъ срамо-
те и безчестія. Ты чини оно, што е добро
и право, необзируѣи се, оће ли то за тебе
пробитачно быти. Найпосле, макаръ да ни-
какву користь одтуда нећешъ имати, опетъ
треба да творишъ оно, што е добро и пра-
во, на нека бы было и са уштрбомъ твоимъ.
Доста то, да те совѣсть тако учи. Доста
то, да те и самъ Христосъ Спаситель тако
учи. Срѣ кадъ ты само оно чинишъ, одъ
чега ћешъ ползу имати, губишъ свако право
на награду. Ты си тиме показао само да си
мударъ; али у дѣлу твоѣмъ нема ни вдне ис-
кре добродѣтели.

Далъ, совѣсть не само да поучава, него
іошть и увѣштава, опоминѣ и одвраћа сва-
когъ човека одъ зла. Ко е іошть одъ людѣй
овде на земљи поживію, а да ніе сгрѣшио?
Но, кадгодъ е сгрѣшио, свагда е чоу опомену
свогъ внутреньгъ судіе.

Та већ и као деца осећамо неку уну-
трашню боязливостъ и стидъ, кадъ што не-
пристойно или неправо учинимо, было то у
игралки, было у некимъ наложенымъ намъ до-
маћимъ пословима, было изъ лакомыя, или
изъ пакости, было да смо худымъ примеромъ
други на то наведени.

О како силно бѣе срце у крадльица,
пре негъ што пружи грабљиву руку на туђе

иманѣ; или у сластолюбца, пре негъ што безазлену невиность отровнымъ ласканѣмъ у искушеніе доведе; или у кетвопреступника, пре негъ што вероломну руку свою дигне, да се криво закуне; или у невере и издайника, пре негъ што пође на издаю свои пріятеля, свога правительства и отечества, да себичность или гнусно осветолюбіе свое заязи и задоволи. О како ин све редомъ совѣсть нѣгова озбильски опоминѣ и одвраћа одъ намерены преступленія, и то тимъ живлѣ и силнѣе, што се већма преступникъ къ цѣли своіой приближув!

Она борба човека са самымъ собомъ, пре негъ што се у невалялство какво упусти; она внутрени борба нѣгова са опоминююћомъ и одвраћаюћомъ га совѣсћу, ніе ништа друго, него р'ванѣ нѣгово са своимъ анђеломъ хранителѣмъ, кон е радъ уздржати га, да не поклизне; сачувати га, да не падне. Али, на жалость, суетанъ е овай трудъ анђела; безплодна е чувствителна озбильность нѣгова. Онъ мора да уступи и — преступленіе е учинѣно. Снужденъ и опечалѣнъ анђео измиче натрагъ и ћути као да е немъ. Грешникъ напротивъ весело посрће съ едногъ срамотногъ дѣла на друго, а у внутрениости своіой све тавніе и слабіе чув опоминююћій гласъ оногъ небесногъ посланика, кон га садъ већ оће да остави.

Погледајмо само на младића, на юношу,

кои іоштѣ нѣ покваренѣ, ено га, садѣ оѣе првый путѣ на страну да поѣе! Онѣ говори, но ѣзыкѣ му се заплѣе. Онѣ корача, али су му кораци неравни и чисто се поводи. Савѣ е забленутѣ и изѣ свакогѣ мицаня нѣговогѣ вири недоумѣнїе. Онѣ тражи очима своима оне, коима е дояко смело у очи гледао; но, гле чуда, онѣ неможе да издржи погледѣ нѣовѣ; боисе, да га собствене очи неодаду, како е узколебанѣ и како му е совѣсть неспокойна. Она му се іоштѣ и сада явля и нуди са совѣтомѣ своимѣ; али онѣ неможе да се разбере. Онай, кои гласа свое совѣсти нѣе нїгда преступїо, бори се са самымѣ собомѣ и нема петлѣ, да е послуша, па се чисто самѣ одѣ себе стиди и несме да погледи на огледало, да не бы спазїо предметѣ свогѣ гнупаня. О младићу, о юношо! ты, кои си чистоту и невиность срца свогѣ све досадѣ одѣ сваке ляге сачувао, и кои си се са непокваренымѣ твоимѣ срцемѣ поносїо и сѣ веселимѣ лицемѣ у светѣ гледао, да су ти и сами зрели люди завидити морали; — и ты, дѣво, кѣери добры и честны родителя, слушаїте гласа унутрашнѣгѣ вашегѣ анѣла хранителя, да не буде принуѣенѣ одустати васѣ. Вы, Родителы, храните у целости добре нарави у чедама вашима, и сачуваїте їн одѣ заразе светски страстїй и овладавши порока! И ты младићу, и ты дѣво, храните и чуваїте ту внутреню светїню у себи и онда, кадѣ у свезу брака ступите и

сами родительима постанете! Веруйте, да ће тай трудъ вашъ стократно награженъ быти! Вы ћете рай дѣтинства вашего собомъ пренети у године и векъ мужества и старости ваше!

Погледай, о младићу! на оногъ измуженогъ и изцеђеногъ сластолюбца и плотоугодника, кои в свое здравль и свою снагу у ветаръ разточио; погледай га само, како в пре времена о старіо, како кашлюца и у мрачный гробъ зарана силази; — погледай на оногъ безчестногъ грабљивца, кои при свемъ томъ, што в лукавствомъ и преваромъ силно благо стекао, нема мирногъ ни веселогъ дана, ерь божія проклетія лежи на отетомъ благу!; погле онога тамо убійцу, кога сада на губилиште воде, како в пребледіо!

Но совѣсть іоштъ и наказуе! Есмо ли зло какво учинили, смеета насъ оставя онай добрый анѣо, и уместо нѣга пробудисе у нама другій некій зао духъ са свима своимъ мученіями. Уместо пређашнѣ невине и безазлене радости, грозный стра овлада срцемъ нашимъ. Ко в игда брао добра плода съ чичка и трия; кадъ ли в іоштъ зло дѣло имало добра слѣдства! Истина, може човекъ за много година крити своя бездѣлія; али слѣдства нѣова теку у саму вечность и она ће га оддати. — Еданъ случай, едно по себи врло незнатно обстоятелство, на кое не бы никадъ ни помыслио, откриће свету

твоя срамна дѣла. И веѣь онда ниси безо-
пасань. О како є света истина у овой на-
родной пословицы: заклела се земля раю, да
се сваке тайне знаю. А н свето Писмо ве-
ли: Ничтоже тайно, еже не отьрыется. И-
стину ову искусиѣшъ човече, на себи са-
момь.

Кадъ бы могли понекогъ и некогъ чове-
ка видити, кадъ гди усамлѣнь, одъ Бога и
людиѣ оставлѣнь седи, како га внутренѣ ки-
ньи и мучи совѣсть нѣгова, и како є самъ
себи презренія достоянь; како при сретаню
погледа нѣговогъ са поштенымъ човекомъ
дубоко осеѣа, да є презренія достоянь; шта
више, како гдикадъ и сама єдна простаречь,
коя изъ туѣи уста невино излети, као истый
оштрый мачъ ерце нѣгово пробада; како га,
наипосле свако найманѣ и найнезнатнѣ об-
стоятелство обезпокоява, ако се овамо н из-
дає, да є станѣ нѣгово безопасно! Нема одъ
свега тога ништа; далеко веѣма боли, кадъ
насъ каянѣ са своѣомъ жаокомъ мучи, негъ
што є у часу учинѣногъ греха прѣтна была
уживана сласть и користь.

Нечиста совѣсть трує и огорчава намъ
свако наше уживанѣ, сваку нашу радость. —
Пустимо злочинца, нека усредъ забаве и ве-
селя заборави на себе; али чимъ се удали,
сместа ѣе му изиѣи предъ очи сва нѣгова
невалялства, и споменъ нѣговъ као какво
страшило пратиѣе га до у саму постелю. —

Онъ бы желю заспати; али нечиста совѣсть немирує ни онда у нѣму; она га онда са найстрашнѣимъ сановима плаши. — Истина, има у свету зала многоразличны; али є одъ свѣю найнесноснѣе и наймучителнѣе зло, грижа и неспокойство совѣсти. Човекъ, у кога є совѣсть неспокойна, мрзи на сунце и светлостъ нѣгову, еръ се бои, да оно коєгодъ безаконїє нѣгово необелодани; а исто тако мрзи и на ноћный мракъ, еръ се у мраку бои, да га потеря каква неувати. Несме остати усамлѣнъ, еръ онда ни о чемъ другомъ немисли, него о своимъ безаконїяма, коя су у тай паръ у очима нѣговима далеко већа и страшнїя него иначе; а кадъ є у дружтву, онда опетъ гледи, да се часъ пре удали, еръ се бои, да га усредъ дружтва собствена совѣсть нѣгова неодда.

Свакїй часъ стрепи у срцу свомъ онай, кога є совѣсть грехомъ и злочинствама окаляна, да се што о нѣму непроклюви, и чини му се, да є свакїй тренутакъ последнїй, кои га є заклоио и сачувао. — Овай стра, кои човека тако страшно мучи, и онай укоръ, коимъ га совѣсть нѣгова єднако укорава, тако додїя човеку, да више пута, немогући сносити ту паклену муку, самъ себе оддає. О, колико їи є злочинаца, па и самы убїйлаца, кои дотле нису имали мира ни спокойства, докъ нису сами собомъ у судъ отишли и безаконїя своя одкрили! Колико се њи на

самртноу постельи муче, кои су светъ варали, и немогу да умру, и неда имъ се умрети, докъ нису обиду и штету, преваромъ и лукавствомъ ближнѣмъ свомъ учинѣну, макаръ децы нѣовой накнадили!

Ето, како е грдна и страшна сила совѣсти! Ню може човекъ на време забунити и ослабити, али е нигда неможе искоренити. Она ће се кадтадъ пробудити и осилити; и што се доцнѣ пробуѣуе, све е то страшнѣя и свирѣнѣя. Тежко онда грешнику! онъ ће бити жертва живогъ каиня, кое ће га потрошити; онъ ће своимъ собственымъ очима гледати плодове свои срамны дѣла, макаръ то было при самрти, на прагу вечногъ гроба свогъ.

Найпосле, совѣсть и награѣуе, и тако штедро и божественно, као што живо и озбиљно сваку презрену добродѣтель одмаштава!

Онаѣ, у кога е совѣсть мирна и спокойна, сматра свакогъ човека, съ коимъ се годъ сретне, као свогъ прѣтеля. Онъ се нескланни нити крѣ одъ овогъ или одъ оногъ, ерѣ нема нужде у томъ. Онъ сажалѣва свакога, кои се греху и пороку предао, а люби честнога и вретнога и свакиѣ се може съ нѣимъ разговарати. И срцемъ и душомъ свагда е добро расположень. Сваку дозвољну: радостъ ужива онъ у пуной мери, но напроотивъ юначки сноси свако злополучѣ, кое га снаѣ:

еръ му изнутра неко говори: ты заслужуешъ болю срећу; но знай, да то, што сносишъ и страдашъ, ніе твоіомъ кривицомъ на тебе дошло: Богъ е съ тобомъ!

Погледаймо на оногъ невиногъ, како га гоне и како незаслужено страда! Но совѣсть е у иѣга чиста, мирна и спокойна! Онъ воли совѣсть свою у целоети и чистоти сачувати, макаръ знао до просіѣчкогъ штаца доћи, него са окаляномъ и нечистомъ совѣсћу плавати у свакомъ изобилію. Онъ се поноси са чистомъ светиньомъ свое совѣсти, и тихымъ гласомъ вели своимъ гонительима, као што е негда преблагій Спаситель гонительима своима у вртограду съ божественомъ кротосћу реко: Я самъ онай, кога тражите! Никаква людска пакость и светска поруга не може совѣсть иѣгову обезчестити; никакво злополучіе, никаква скорбъ ніе у станю тишину и спокойство иѣно поколебати. Човекъ са спокойномъ совѣсћу неплани се мрака тавнице ни затвора; па и на само губилиште спокойно иде, еръ е то за чисту совѣсть najveћа слава, najveће прославленіе. Надъ гробомъ такогъ праведника потомство ће плакати.

Човеку совѣстномъ повѣрава се свакій радо. О иѣму се може рећи, да ни одъ кога незавиен. Онъ е свой савршеный господаръ, ако се и необлачи у свилу и кадифу. И кои га годъ еданпутъ позна, не може му

одреши свое почитаніе. Онъ нестрепи у ср-
цу, ни у суду предъ судіама, ни предъ вла-
дѣтельмъ своимъ, седеши на престолю. Онъ
и самой смрти гледа у очи съ милovidнымъ
погледомъ.

Благо ономъ у кога в совѣсть мирна и
спокойна, у нѣговомъ в срцу правый рай! —
Чиста совѣсть помаже човеску победити свое
страсти и свое неприятелѣ; у нужди и нево-
льи она в правый анѣо хранитель; у очая-
нію тврда котва (ленгеръ), а на самрти най-
мекше узглавлѣ.

О Боже, источникъ сваке светинѣ! допу-
сти, да ово неоценимо благо, то есть, мирна
и спокойна совѣсть остане у мени свагда
као мое найвѣше добро! Ахъ, како бы я сре-
ѣанъ былъ, кадъ се збогъ мой дѣла не бы мо-
рао стидити ни предъ Тобомъ, ни предъ
светомъ, ни одъ себе самогъ! Како бы я
желію, да се страшила нечисте совѣсти ни-
гда у мени не появе, нити да люто каанѣ са
своимъ зміннымъ зубма кадгодъ мое срце ра-
ни, него да свагда чистъ и невинъ пребу-
демъ као исто безазлено дете!

Я признаемъ, да самъ немоћанъ. Я осе-
ѣамъ мое слабости. Може се догодити, да
бу изъ неразсмотрености мое свакій часъ у
погрешке падати; може бити, да бу у нагло-
сти, у страсти на себе и на Твою свету во-
лю, Боже заборавити; но онда, чуй ме совѣ-

сти мой! онда ми ты буди анѣо, буди чуварь мое добродѣтели, мое невиности, моего спокойства! — Некъ ме свагда руководи Богомъ даровано ми чувство истиного и честного, да не бы самъ себе отужанъ постао и самъ себе презирао; да не бы одъ Бога, да не бы одъ Искупителя моего, Господа Исуса Христа одноо, кои ме единый божественомъ наукомъ своіомъ исцелити и исправити може.

Шта су свеколике радости и удовольства, коя человекъ ужива, кадъ грѣшне желѣ свое задовольи, спрамъ оны мука, кое му после непрестанный стра задае, и спрамъ поруге и срамоте, коя га мимоиѣи неѣе? — Како ли ѣе сласть една, коя се тако реѣи у тренутку и са страхомъ ужива, загладити моѣи оно каинѣ, кое ѣе прозь цео животь траяти?

Не, Боже и Отче мой! ниси Ты безъ узрока сместио у мое срце тога судію мои мысли, мои речій, и мои дѣла. Гласъ совѣсти мое есть правый Твой гласъ. И ко га сме презирати и умало ценити? Не, нека бы ме іошть толико горко и скупо стало грѣшне желѣ мое надвладати, мое непристойне и нескромне наклоности зауздати, оцетъ зато завештавамъ Ти се, Боже, моіомъ целомъ душомъ найторжественіе, да ѣу радити свима силама, да ми совѣсть спокойна и одъ свакогъ прекора чиста остане. — Некъ ми се

цео светъ руга и нека ме изсмеява, сносићу; некъ ме она найцрня сиротиня притисне и нека ме гладъ мори, све ћу сносити, све ћу поднети; шта више, пре ћу се смрти у руке дати, него ли еданъ единый грехъ учинити, кои ће ме са самымъ собомъ омразити; или у одну едину кривицу пасти, збогъ ков ћу се самъ одъ себе стидити! Смемъ ли се само, Боже, дрзновено на Тебе уздати, шта ми е онда стало за люде? Обећашъ ли ми само Ты Твоє благоволеніє и покровителство, па самъ онда іошть овде на земљи блаженъ!

Ахъ, Боже, кадъ бы ова чувствованя, коя ми іошть садъ толику радость и милину задаю, са овако живомъ одважношћу свагда у мени, у моіой памети заостала! О како ћу онда съ радостнымъ срцемъ приимати изъ Твоє штедре руке свеколика блага овогъ земногъ живота! Како ћу радо сносити све, што Ты на мене попустишъ! како ли ћу некада спокойно и съ пуномъ надеждомъ на Тебе очи мов на самртной постельи заклопити!

У П Р А В Л Я Н Ъ Б О Ж І Є.

Возлюбляю Тя, Господи, крепость моя: Господь утверждение мое, и прибежище мое, и избавитель мой. Безъ мѣй, поборникъ мой, упокою на Него: Защититель мой и рѣкъ спасенія моего, и заступникъ мой. Псал. 16. стѣх. 1, 2, 3, 4.

А што си ми, сердце мое, тако често снуждено? Зашт' да те туђа сређа обезпокоюва, и да проклинешь судьбу свою зато, што немашь све оно, што други сређни имаю? Зашт' да оплакуешь свою недађу, и што удивленъ единако, као да си само за тугу и скорбь створено? Та човече, заръ си ты доиста у толикой мери несређанъ, као што себи представляешь? Шта ти се чини, бы л' се радо менао са оныма, коѣ ты за сређне држишь?

Ты ми одговарашь: Я самъ несређанъ; ерь штогодъ предумемъ, слабо ми за рукомъ испада, и кодъ толике брѣге и муке мое никадъ не постизавамъ оно, за чимъ се дамъ. Какве самъ ти златне куле у воздуху зидао о мојој будућој сређи, па едва се текъ нешто испунило. Я броя незнамъ, koliko самъ пута садъ ово садъ оно предуммао, да мое собственно или мое фамилив ста-

нѣ поболшамъ; али све узалудъ. Неда се, па неда. Кудѣо самъ овде онде, но нигде ми се не одзваше. Свагда самъ се преварио у рачуну. Найсилнѣе желѣ мое осташе празне; найсправеднѣя очекиваня моя осуетише се.

Я признаемъ, човече, да 6 све то истина, што говоришъ. Али опетъ ти кажемъ, да 6 жалба ова твоя иста онакова, као и прочи людѣй, кои тако рећи из силу Бога оће оно, што 6 у очима нѣиовима за нѣи најболѣ и најпретежнѣе. Такви люди ништа друго не виде, не желе нити очекую, осимъ онога, што су себи у главу увртили. Па су мимо тога јошъ толико у томъ упорни, да више пута заборавляю на толика своя друга добра и блага, кои се толицима нѣи посве лишаваю. Нѣи-ма 6 оно, што имаю, свакидашиѣ, и сматраю на исто сасвимъ равнодушно; а напротивъ оно, што желе и за чимъ чезну, тако имъ 6 мило и драгоцено, као да се сва срећа нѣиова у то едно збила. Одтуда после и долази толико незадовољство и потайно туженѣ нѣиово. То 6 узрокъ, што такви люди презиру и немаре за оно што имаю. То 6 узрокъ, што толике радости живота одбацую, ко 6 бы спокойно уживати могли.

А што се свака желя наша неиспуню 6, и, што свако предпрѣятѣ наше неиспада за рукомъ, то бива зато, да се уверимо, да има некога, коме 6 све подчинѣно, и кои свачимъ управля. Брѣ, шта ти се чини, човече, бы

ли мы веровали у одного свемогућегъ, кадъ бы и сами свемогући были? И шта мыслишь, бы ли мы имали повереня у одномъ премудромъ, кадъ бы помогу разума нашегъ судьбомъ нашимъ на наибольій начинъ управляти умели?

Човече! ты много оћешъ. Желъ твоє пружаю се на све стране; но при свемъ томъ слабо те срећа служи. Више пута мыслию си, да си већ на краю желя твоє, а оно се текъ изненада появи каквагодъ маленкостъ, и на еданпутъ видишь себе далеко удалѣна одъ твоє цѣли. Више пута говорю си у себи: е, кадъ дође то и то време, онда ћу по вољи живити и срећанъ бити; а кадъ е то време дошло, болестъ те е смела, или се што друго неповольно у фамилии твојој догодило. Више пута помислио си у себи, да си ствари твоє у наибольій поредакъ поставио, а овамо си башъ онда погрешку какву учинио, коя е савъ трудъ твой осуетила. И никадъ ниси у пуной мери постиго и получио оно, што си желіо.

Али и напротивъ, више пута послужила те е срећа онде, гди се ни надао ниси, и гди ты одъ твоє стране ништа принео ниси. Више пута надао си се злу и несрећи, и стрепіо си у срцу, како ће ти бити, кадъ тай страшный данъ дође; а међутимъ се изненада надъ тобомъ разведрило и срећа те е несказано обрадовала. Више пута мыслию си

да ће ти ова или она промышленость слабо ползе принѣти, или си слутіо, да положеніе, у кое си и противу твоє вољѣ дошао, неће бити за тебе пробитачно; па си башъ онда најболѣ прошао, највише користи имао и најповольніе угодности уживао.

Све ово толико си пута у животу искусіо. Сваке године, и скоро сваке седмице имао си примера, и уверіо си се, да се ніе испунило оно, што си ты одъ судбине твоє упорно искао; а напротивъ приметіо си, да те є више пута срећа обрадовала, одкуда се ни надао ниси. Па како то, да ниси постао мудрін, кодъ толики живы примера, кои ти тако красну науку подаю? А видишь, ту красну науку дав ти самъ Богъ. Она єдинствено одъ Нѣга долази, на кога ты при дѣлима и предпріятіима твоима може бити ни најманѣ немислишь; или, ако и мыслишь на Нѣга, то зато чинишь, да бы испросіо одъ Нѣга оно, што ты најсилніе желишь, и кое ты, по слабомъ увиђенію твоємъ, сматрашь као највише и најпревосходніе добро. Но кадъ є самъ Богъ твой Учитель, и кадъ те тако отечески учи, зашто Га не слушаешь као верный и послушный ученикъ Нѣгогъ? И кадъ по свакій данъ тако важну и спасоносну науку одъ Нѣга примаешь, зашто се већ єданнытъ неопаметишь, и зашто се не привикаваешь, обратити вниманіе свое на оного Вишнѣгъ, кои те одсвуда обколява и

сва дѣла и намереня твоя руководи? Или, зарѣ оѣнешъ да изиѣнешъ изъ ове велике школе, у коіой се за целогъ живота твогъ врзешъ, па да и непознашъ ону високу цѣль, за кою си сазданъ?

Некъ ти се случи у животу, было шта му драго; знай, да ти е то одъ Бога. Некъ се неиспуне гдикое намере твоє; знай, да е то Божіе промотреніе о теби. Некъ бы те изнаенада среѣа обрадовала; знай, да е то Божіи даръ. Упни се са свима силама твоима, да постигнешъ оно, што ти се чини, да ће за тебе пробитачно быти; али опетъ немой утврдо држати, да е оно за тебе доиста најболѣ и најпробитачніе, што се теби као таково чини, него се ослони на премудрость Вишиѣга, кои съ целымъ светомъ отечески управля. Употреби свеколику твою мудрость, брижљивость и дѣятельность, да къ добронамеренымъ цѣлима приснешъ; али опетъ немой да будешъ своє главе па да у себи рекнешъ, да е сва среѣа твоя одтуда дошла, што е све онако испало, како си ты напредъ расположіо и прорачунао; ерѣ треба свагда на памети да имашъ, да ниси ты самъ, него да и осимъ тебе има у свету еданъ Богъ, одъ кога све зависи, и да е за тебе свакояко велика среѣа, было да се желѣ и намере твоє испуне, было да се неиспуне.

Приклони се дакле веѣ еданпутъ и научи се почитовати управляѣ Божіе, и зачни

у себи поверенъ прамѣ Ономъ, кои се съ нѣжномъ брижливосту старао о теби іошть онда, кадъ ты Нѣга ни познавао ниси. Ништа непочиньи, ништа несвршуй, никакве мере непредузимај, было за поболшанъ твоє собствене судбине, было за поболшанъ судбине твоє фамиліє, докъ неприведешъ себи на память оне златне речи светогъ Писма: Открой Богу желѣ срца твога, и преноручи Му се, и имай тврду надежду на Нѣга, да ће Онъ съ тобомъ онако управити, како ће по тебе найболѣ быти. — Брѣ онај човекъ, кои се неосланиа на себе и на свою силу, него све единствено одъ Бога ожидава, тай неможе никадъ пропасти; тай є на правой стази, кои води къ душевномъ спокойству и къ истинной среѣи, кою никаква сила оборити ни разрушити не може.

Пре негъ што ће Христось Спаситель са небеснымъ одкровеніама своимѣ на землю сиѣи, веровали су сви мудрацы древны векова, да є премудрость Светоуправителя несравнено висока; и кадгодъ су што започиняли и предузимали, нису се толико на свою силу нити на свою мудрость ослањали, колико на благословъ Онога, кои и судбиномъ читавогъ света, и судбиномъ оногъ найманѣгъ црва управля. На шта мыслимо мы, хирстіяни, мы, кои знамо за откровеніа Христова, заръ ћемо се мы манѣ сеѣати у свему премудрогъ управляня Божіегъ, негъ што су се идолопоклоницы сеѣали?

Богъ управля са свачимъ. Ко сме о томъ сумняти? Но ако несумняшъ, зашто живишъ и дѣлашъ онако, као да све само одъ тебе зависи? — Ако несумняшъ, зашто се толико одацирешъ и ославишъ на свою собствену силу и мудрость, као да само ты знашъ, шта е за тебе пре свега нужно, па да спокониъ будешъ? — Ако несумняшъ, а оно, што се бочишъ са судбиномъ, зашто ли ропћешъ на управлиѣ Божіе, ако се намере твоє неиспуне, и ако најтврђе надежде твоє недонесу зрелогъ, очекиваногъ плода?

Да, Богъ све управля и руководи! Узори ты и посеј нѣиву твою слободно; али одъ Онога одозго очекуй благословеногъ плода. Строй и зидай себи обиталиште; али одъ Оногъ одозго очекуй заштиту и одбрану противъ бурѣ, пожара и други спољашњи зала и оскудица. — Размысливай, колико ти драго, како ћешъ благостанѣ своє узвисити; али немой се тврдо уздати, да ће све онако испасти, као што ты одъ прилике мыслишъ и желишъ; него имај на памети, да се може и противно томе догодити, и не само, да се може противно догодити, него башъ да ће се и догодити: еръ само Онај, кои све управля и руководи, савршено зна, шта е за тебе, шта ли е за друге најболѣ и најпробитачниѣ, па зато буди преправанъ, да понесешъ, ако те и зло какво снађе. Постарай се, да стечешъ богатство; али одъ Оногъ одозго очекуй, оће ли богатство твоє

за тебе спасоносно быти. Ради, труди се и тецы колико више можешъ; али одъ Оногъ одозго очекуй благослова и плода. Буди уверенъ, Онъ ће ти свагда само оно дати, што ће за тебе одъ праве ползе быти, еръ Онъ све и сва управля и руководи.

Богъ управля свачимъ! Нїе истина, да се ншта, ма и найманѣ у свету случайно догађа; него све што бива и што се догађа, управля се по оној нуждној свези причине са дѣйствиємъ. Нема нигди у свету сленогъ случая, и то башъ ни у судбини оногъ найманѣгъ црва; еръ една вечна, управлюѣа Премудрость све обима, и све руководи. Потому, кадъ се на какавъ посао дашъ, немой чекати, да ти случай какавъ сређу донесе, него се ослони на расположење вечне Премудрости. Ненадай се, Богъ зна, каквымъ слѣдствама одъ случая, кои ти в мїо и позволянѣ, него мотри, како в ишло оно, што си радїо, и у каквомъ одношенїю стои са обштимъ приключенїяма у свету. Немой у себи мыслити: е, и я то и то знамъ исто онако као и онъ; то бы и я учинїо, или получїо, да самъ на нѣговомъ месту быо, аль в нѣга сређа послужила! — Не, немой то да рекнешъ; еръ нїе истина, да га в сређа послужила, него в воля вишнѣгъ Светоуправителя хотела, да тако буде.

Богъ све управля и руководи! У целой природы влада светый законъ нуждности, то

всть, све што у природи бива, мора онако бити по сили закона, кои у природи постое; али рећи: да међу створенима, која разумъ имаю, случай влада, то є право безуміє. Зарь є случай прописао оне безконечне путове, по којима она небесна тѣлеса тако уредно теку? Или, зарь случай обрће ову землю нашу, те имамо тако уредно дане и ноћи? Є ли то дѣло случая, што сунце на свою пролетню точку свагда у извѣстно време долази? што се лето, есень, и зима едно за другимъ поредочно изменяю? што твари земне, животна, растѣнія у развіяню сила свои напредую, до зрелости долазе, и опеть у стані покоя враћаю се? Є ли удивительный составъ тела человеческого дѣло случая? Є ли то случайно испало, да кровь у нама крозь толике жилице у срце утче, а крозь толике друге изъ нѣга излази и по целомъ телу разлази? Є ли то одъ случая зависило, да орудія наши петъ чувства буду овакова као што су? Природа нани живаца, тврда узаимность нѣова, по којой едно цело сачињаваю, и то тако, да ни еданъ другомъ несмета; є ли то стварь случайна? Зарь є случай дао орлу крила, да се съ нѣма у небеса пенѣ? Или є зарь случай дао риби меурникъ, перая и оне гладке люске, да на дно мора и реке слазити, себи рану тражити и у води живити може? Зарь є случай оденуо купину са бодљикама, или вошку са плодомъ своимъ, или цбунъ ружичный са пупольцѣма?

Кадъ є дакле веѣ и у мртовой природи свака наймана тварь по законима вечне премудрости устроена, како можешъ, човече, и помыслити, да у царству духова случай влада, и да Богъ као найсавршеніи Духъ, за то

царство духова ништа немари? Или ти се заръ чини, да у мртовой природи, међу тварима, кое ће се данасъ сутра у пра и пепео претворити, поредакъ живота влада; а на-противъ, да у царству живота, у царству слободны, самосталны духова нема никаквогъ трага свеуправляюће деснице Божіе? О, да срамногъ безумія! да грдне обмане! духъ подчинявати трулой твари, и оно, што є временно, краткограюће, предпочитати вечноме!

Богъ све управля и руководи! Дакле є и твой собствена судбина предметъ Нѣговогъ управляя. Потоме, немой да се гордишь, и да кажешъ, да си ты кадаръ судбину твою променути на бољъ или на горе, ни ти да мыслишь, да срећа или несрећа твоя одъ случая зависи; него треба да веруешь, да свака и найманя промена у судбини твојой зависи одъ вољъ и опредѣленія едногъ најсветіегъ существа, Бога, кои ти є животь даровао, съ томъ намеромъ, да те воспита, да съ дана на данъ све больій и савршеніи будешъ, и да те тако за више блаженство приуготови, кое є тако изредно и превосходно, да се речма описати неможе. И свакій поединый человекъ, и сви люди скупа текъ се воспитаваю овде на земљи за свое право опредѣленіе. Воспитаніе пакъ то састои се у томъ, што Богъ на свакогъ поединогъ человека онакву судбину попушта, каква є разнымъ потребама свакогъ поединогъ человека сходна.

Народе, кои су се разиђили, сладостра-
стию и лености предали; Грађане, кои су за
љубовъ себичности свое подли постали, про-
буђую изъ тогъ заблуђенія ужасна страшила
войне, и путъ имъ отвараю, да се у прва-
шню снагу поврате, и да опетъ пређашнѣ про-
сте, целомудрене нарави међу себе уведу и
возлюбe. Обшта нужда истребловъ себич-
ностьъ поедини грађана и рађа у њима до-
бродѣтель, кои обштемъ благу радо у помоћъ
притиче. Горделивe богатирце смирава њи-
ово осиротенѣ. Поношљивe родителѣ сми-
рава гробъ деце њиове. Смиреногъ и послу-
шногъ узвишава благоволеніе Старешине, а
малодушногъ воскрешава изненадно спасеніе.

Та сети се само, човече, оны твои най-
милиі дана у животу, кадъ е срце твоє пли-
вало у сластима чисте радости, ерѣ си сре-
ћанѣ быо, ако и ниси самъ къ срећи своіой
ништа принео! Сети се велимъ, и опомени
се свеуправляюће деснице Божіе, коя те е
уштедрила! Сети се оны блажены дана, кадъ
си быо пунъ усхићенія збогъ онолики благо-
дѣянія Божіа, којма те е обасуо! Ахъ, та и-
лядама њи трудише се исто као и ты, бри-
нуше се као и ты; па опетъ неполучише
оно, чимъ се ты хвалишъ и наслађавашъ!
Видишъ, све е то света десница Божія тако
управила! Но сети се и оны твои чемерны
дана и ужасны положенія, кадъ су те тежке
бриге обориле; кадъ си као малодушанѣ стре-
пио у срцу одъ грозеће ти неизвестне будућ-

ности, и кадъ си већъ и до тога дошао быо, да си смръть себи пожелію, — та кажи, човече, признай, е ли то случай быо, кои е одъ сваке стране жалостно и заплетено станѣ твоє размсію, и тебе изъ крайнѣгъ недоумѣнія спасао, у комъ си очаявао? Сети се, колико су пута ствари неке, по себи сасвимъ незнатне, на кое ни гледао ниси, тако икѣй упливъ на судбу твою имале, да е течай твога живота сасвимъ другій правацъ узео и станѣ твоє сасвимъ се изменило! Видишь, и ту е рука Божія дѣйствовала и управляла!

И ако несменѣ, или неможешъ казати, да нѣе тако, а оно зашто тако живишь, зашто се толико бринешь и мучишь, као да си самъ еданъ на овомъ свету, и као да се нико другій о теби нестара? — Као да за тебе ништа друго нѣе полезно и добро, осимъ оногъ, што се теби чини, да е полезно и добро? — И, као да е осимъ тога све друго, што ти се догађа, пагубно, несрећно, твоємъ благополучію противно?

Онамети се већъ еданпутъ изъ толико-годишнѣгъ искуства, и исповеди одкривено ту свету истину, да Богъ све управя и руководи премудро! Или, заръ мыслишь, о не-смысленій, занешеній човече, да си ты мудрій одъ оногъ Свезнаюћегъ? Кажи ми, ако знашь, познаешъ ли ону тамну и мрачну точку, одкуда те е свемогућство Творца у животъ привело? Кажи ми, познаешъ ли іоштъ

садъ оно твоє високо опредѣленіє, за коє те свеуправляюћа десница Божія воспитава и приуготовлява, но коє є засадъ іоштъ далеко одъ тебе удалъно? Како смєшь порицати, опорочавати и хулити оно, што Онъ, премудрый къ судьбини твоіой дридає или одъ нѣ одузима? Како се усуђуєшь незадовольне погледе на небо управляти, ако Богъ, као свезнаюћій желъ твоє неиспуни, коє бы иначе за тебе и срећу твою сасвимъ вредоносне и убиточне было?

Предъ Божіимъ очима стои одкривена сва безконечна прошлостъ као каква отворена књига. Онъ познає неброевне причине свію появленія и догађая, кои се може бити данасъ у свету догађаю, єръ Онъ са течаємъ нѣовимъ управля; а ты одъ свега тога ништа невидишь и незнашь, или текъ єдно одъ иляде познаєшь. Ніє ли то дакле крайнѣ безумна подрзльивостъ одъ тебе, кадъ ты хулишь Божіє наредбе и дѣла само зато, што нешто ніє испало по твоіой желји? И, заръ то твоє роптанѣ ніє право опорочаванѣ Божієгъ свезнана?

Исто є тако ясна и одкривена предъ очима Божіима и свеколика безконечна будућностъ, на подобіє прозрачне росне каплѣце, у коіой мы, смртни ништа друго невидимо, разве густый мракъ вечне ноћи. Мысли, чувствованя и дѣланя само єдногъ дана биваю причине безбройны приключенія послѣдуюћи

дана, година и столѣтія. И Богъ ии све іоштъ садъ види и зна, а ты ни понятія о томъ немашь. Па іоштъ се ты, кратковидче, усуѣуєшь съ негодованѣмъ претресати дѣла и опредѣленія свеобштегъ Отца, кои то оѣе, да свакій поєдиный човекъ приноси къ обштой среѣи свою, но и опетъ да сви скупа приносе къ среѣи свакогъ поєдиногъ? Одкуда то толико узданѣ на себе самогъ, на свою собствену силу, мудрость и проицательность, кадъ ниси у станю ни то знати, шта ѣе се сутра догодити? Одкуда ли на противъ тако слабо узданѣ и поверенѣ у премудро управлянѣ Онога, кои ти є благополучну судьбу одредіо пре негъ што си се ты родіо? Зашто си незадоволянѣ, слепче, са путовима, по којима те десница Свевидеѣегъ води? Зашто ли варашъ себе, да ты болѣ знашь, шта ѣе за тебе добро быти, него онай Свезнаюѣій?

Само єданѣ Богъ зна све, што є до сада было, види све, што сада бива, и предвиѣа све, што ѣе у напредѣ быти; а човекъ, онѣ се поводи по внушеніяма свои нагона; по ньима желѣ свое управля; по ньима и дѣла. Доста пута зна човекъ, шта ради, али неможе никадѣ знати, каква ѣе слѣдства дѣло нѣгово имати. Играюѣи се баца човекъ шлюнакъ на површину прозрачногъ, стаклеѣегсе мора, одкуда се образуо прстенчиѣи у све веѣимъ и ширымъ круговима, докъ и до

саме обале не допру, и у истый ма, ако ће бити и незнатнымъ потресомъ своимъ, сваљою можда толика насѣкома у море, о којма онъ ништа и несања.

Кадъ дакле Богъ све види и зна, то е очевидна лудостъ наша, кадъ оѣмо Бога да надмудримо и да знамо, шта ће за насъ бољъ бити; ако ли съ овогъ мудриченя преѣмо и на опорочаванѣ Божіегъ управљаня, зато, што се желѣ наше нису испуниле, онда смо казни достойни.

Богъ све управља, и то праведно! Радуй се смирена душо, коју вера одушевљава, кадъ чуешъ ове утѣшителне речи, да Богъ са свачимъ праведно управља! А напротивъ, стрени, ты ликујућій зликовче, коме су за рукомъ испала злочинства; ерѣ Богъ, као пресветъ са свачимъ праведно управља!

Броткій дуготрпелъивче, ты, кои незаслужено страдашъ, знай, да нѣ безъ доволъне причине то бreme на плећа твоя наваліо чедолубивый Отаць. Нѣгова света воля тако е хотѣла; но Онъ ће ти и помоћи, да то бreme лакше понесешъ. Онъ оѣе, да те чрезъ боолу и патню очисти и облагороди. Саданѣ твоє страданѣ есте велико благодѣянїе за тебе, и толицина нѣи ползуюсе одтуда, а ты о свему томе ништа и несањашъ. Имай дакле повереня у Отцу твоемъ, чїя е правда вѣчна! приклони се душомъ и срцемъ

Ономъ неумытномъ наградителю, и надай се, да ће куднути часъ твога спокойства и благополучія!

Ты, кога кивно гони зависть и клевета; ты кога невинность угнѣтена стень; ты, кои си кодъ толики твои заслуга и добродѣтельный презрень и заборавлѣнь, исправи се, подигни се духомъ и орабри се. Знай, штогодъ те у животу срета, да све то съ волюмъ Божиомъ бива, ерь Онъ управя праведно! Посрамиће се негда твои клеветницы; засіяће у чистоти своіой невинность твоя; твоє добродѣтели, твоє заслуге превозносиће некада сами твои најжешћи непріятели.

Богъ управя свачимъ праведно! Стрени дакле и дркѣи іоштъ садъ лицемерный грешниче, ерь ако се до данасъ гнусма дѣла твоя іоштъ нису открила; ако и ніє познато свету, шта си ты изъ освете и злобе сладострастію свомъ за любовь учиніо, — свануће данъ, кадъ ће све то явно и одкривено быти, ерь у редоставу вселене све є тако устроєно, да се свако приключеніє у слѣдствама кадъ тадъ обелоданити мора, као што и море сваку трупину избацує на површіє. И бадава се упиѣшь, да савладашъ обстоятелства, да приключенія и слѣдства нѣова зауздашь, — то само єданъ Богъ може, у кога свемогућой власти све стои, кои као што є по себи светъ, исто є тако и правед-

данъ и све праведно управля и руководи. О кадъ бы само мы съ веѣнимъ вниманѣмъ мотрили на судбине людске, како владѣтеля тако и просіяка; кадъ бы мы само на собствена дѣла наша болѣ пазили, мы бы се чудити и дивити морали, како є премудро, како ли є праведно управляѣ Божіє у свему, и са сокрушенымъ срцемъ подигли бы очи наше къ Нѣму, непостижимомъ. А што смо мы кодъ очію слепи и невидимо чудеса, коя светоуправитель свакій часъ чини; што немамо поверени у Нѣму; што Га неправедно и несмыслено оговарамо, томе є узрокъ тай, што мы свагда, подобно безсловесномъ скоту, само на оно вниманѣ наше управлямо, што є око насъ и нама найближе и, што се надвладати даємо одъ наши свакидашњи чувствены захтеваня, одъ разны, измышльны потреба и желя наши.

Богъ све управля съ благосѣу! — Наконацъ намеренѣ вечне Премудрости при управляю са судбама и одношеніама людскима, као и намеренѣ праведногъ воздателя то є, да сви мы будемо среѣни и благополучни. По томе дакле управляѣ Божіє открива намъ нова чудеса непостижиме любви свое спрамъ насъ; єрь Онъ ништа друго нежели разве то, да свакій одъ насъ блаженъ буде; и само зато насъ є и створио; и само зато насъ є удостоіо, да будемо участницы небесне науке Христове; и само зато насъ крозь страдања и патнѣ къ той цѣли води.

Исто тако поступа и свакиј плотскій отаць са чедомъ своимъ, кое онъ исто као и себе самогъ любви. И дете, уверено о толикой любви отчиной прама себи, неће да роуће на нѣга, нити опорочава поступке нѣгове; него се у свему ослања на мудрость и доброту нѣгову, съ коіомъ га воспитава. Оно благосиля и любви родительску руку, коя му изъ любви дарове и поклоне пружа; но у едно съ благодарношћу подноси одъ исте руке и казни за своѣ погрешке и преступленія. Оно съ најживльомъ радосћу ужива све оне пріятности, кое му отаць на стази младости нѣгове приуготовлява; али исто се тако радо подвргава труду и прилѣжанію, и съ охотомъ предузима упражненія, за нѣгове слабачке силе и моћи одвећъ трудна, макаръ да у онай паръ неувиђа и непостизава, одъ какве ће му ползе све то некада у животу быти.

Ако е дакле Богъ отаць нашъ, зашто мы не бы пристали на све оно, како Онъ съ нама уреди, као што бы и требало да чинимо, ако смо послушна чеда Нѣгова? Сви мы знамо, свакидашнѣ искусство сведочи намъ, разумъ нашъ уверава насъ, Слово Божіе учи насъ, да е Онъ благъ, и да у свему благо поступа. Покораваймо се дакле добровольно опредѣленіяма Нѣговима о нама и судбама нашима, и будимо задовольни са онымъ, шта имамо, нити презаймо као маловери одъ

онога, шта се унапредъ догодити може. Небудимо до века свое главе, и немоймо са упорствомъ искати оно, што намъ є мило; него рецymo у себи спокойно: Было да се желѣ мое испуне, было да се не испуне, опеть зато Богъ мене люби, и стара се о мени онако, како ће за мене наиболѣ быти.

Да, мой великій и вечный Боже, и мой премудрый Отче, я самъ спокойнѣ, и спокойно ћу сносити све, што ме у животу снађе, и нећу се узтезати ићи онамо, ни я, ни мои присни, куда намъ Ты рекнешъ, и куда насъ Ты опредѣлишь. Я ћу се за Твою руку крепко држати, и Ты ћешъ ме свагда правымъ путемъ водити. И нека бы стаза она, коіомъ ми ићи заповедишь, была како му драго трудна и мучна, опеть ћу я быти спокойнѣ, ерѣ самъ уверенѣ, да ме Ты, вечна доброто и блакости, къ срећи моіой водишь. Но ова срећа несостои се у богатству, у достоинствама, у уваженію и слави людској; ерѣ каква ми є полза одъ свега тога, кадъ ћу я после неколико дана, неколико месецій и година бездушный трупъ быти? Не, та срећа узвишена є надъ свима земнымъ благама; она є вечногъ порекла, она є срећа духовна. И я не умею срећу ову другчіє опредѣлити, и немаю другогъ имена за ню, него кадъ кажемъ: Кодъ Бога быти.

Зато Ты, благоутробный Боже и одеваешь и китишь ову землю нашу са толикимъ при-

ятностима и дражестима, да бы мы у свему и свачему благодать Твою познали. Зато намъ и есте стаза живота нашегъ тако яко триѣмъ и бодлыкама засута, да се не бы слепо прилюбили овой земли нашей; но да бы тиме као некако одъ нѣ одбіени, сеѣнали се надземногъ нашегъ порекла и будућегъ вечногъ живота.

Зато, благо ономъ, кои седи подъ кровомъ Вышнѣга, и кои проводи дане свое подъ сенкомъ Свесилнога. Онъ са одушевленіемъ воше къ Нѣму: Заступникъ мой еси, и прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на Него. Псал. 90. стих. 1, 2, 3.

СИЛА ИСТИНЕ.

О кѣри небесногъ порекла, света Исти-
но, слово изъ уста Божіи, сѣйна звездо у
тавной ноѣи! Ты намъ давшъ животъ, утѣ-
ху и ясность! Тебе в Спаситель нашъ предъ
самый престолъ Вышнѣга привео! Сила тво-
я сможи власть тирана и одкры лукавство
и хитрость твои назовиприврженника! Куда
зракъ твой заблеста, ту претваранѣ неможе
обстатни, испредъ твоѣ сѣйности пада у не-
свестъ назовимудрость човеческа. — Я ѣу
се тебе држати; за тебе ѣу се борити, за
тебе ѣу и умрети. Цео светъ некъ пропадне,
али Слово Божіѣ остаѣе до века.

Старешина юдейскій Никодимъ долазаше
ноѣу къ Спасителю света, Иусу Христу, да
се наукомъ ѣговомъ ползув. Дошавшемъ
едномъ изговори Христосъ слѣдуюѣе дубо-
ногъ смысла речи: Сѣи ѣсть сѣдѣ, ѣкш свѣтѣ
прѣиде къ мѣрѣ, ѣ возлюбѣша челоѣкѣцы пѣче тмѣ, не-
же свѣтѣ: вѣша бо ѣхъ дѣла зла. Всѣкѣ бо дѣла-
ли зла, ненакѣдѣтѣ свѣта ѣ не прихѣдѣтѣ къ свѣ-
тѣ, да не ѣблѣчатѣ дѣла ѣгѣ, ѣкш лукаѣа сѣтъ:
творѣи же ѣстинѣ, гредѣтѣ къ свѣтѣ, да ѣкѣтѣ дѣ-
ла ѣгѣ, ѣкш ѣ Бѣзѣ сѣтъ содѣлана. Иоан. гл. 3.
стих. 19, 20, 21. — Какѣа красна, какѣа ли

оживляваюћа утѣха лежи у овимъ речма небесногъ Учителя за све оне, кои су добри и честни!

Да, красна е и единствена утѣха своју добродѣтельны людѣй, кои ушима слушати и очима гледати мораю общте разпростирују се развратность и у ништа цененѣ свете вере; — единствена е, велимъ утѣха нѣова у томъ, што ће некада засѣгнути светлостъ дана надъ дѣлима мрака, коя ће сва злочинства и свеколике скаредности, у потаи чинѣне, у пуной нѣовой гнусности одкрити и обелоданити; што ће истина, за дуго обожавану лажь некада надвладати, личину съ гордогъ лицемера скинути, притворну побожность сребролюбца заслуженомъ срамотомъ наказати; оштроуміе изсмевача свете вере посрамити; тврдоглаву гордость властолюбивы фарисея до землѣ понизити; продрзливость ненаказаногъ нарушителя брака сатрти; похоть богатогъ сластолюбца наказати; сузе обезчещѣене невинности утрти; лукавогъ варалицу и отимача туђегъ добра на поруганіе известити; лжемудрацу и змурадомъ клеветнику уста запушити и, издаицу свое браће проклетству потомства предати.

Бсть, бсть доиста, сви добродѣтельни люди у томъ налазе одну едину утѣху, што ће се истина кадтадъ на врѣ попети, за дуго презрена добродѣтель подићи и, ногама погажена правица опетъ исправити. Они се

5575

тиме тѣше, ерѣ очима виде, како ништа не-
остае на миру, ни на небу, ни на земљи, што
несташно мудриченѣ и, све и ква презируѣе
своелюбіе ніе окаляло и обезсветило. Виде,
како веѣа часть христіяна презрително гледа
на свое єдновѣрне, такоѣе христіяне, и како
се стиди свое вѣре исто єнако, као што се
зрео човекѣ стиди будалаштина свое млади-
сти. Виде, како друга, много веѣа часть
христіяна, немарношу Правительства и Учи-
теля у најглушіемѣ суевѣрїю и незнаню чами,
и нити познае свое природно достоинство,
нити мысли о Богу онако, као што є Бога
достойно, нити има ясно понятїе о вечности.
Виде, како многи одѣ служителя светоѣ ол-
тара, преемници Апостола, проповедници на-
уке Христове, сами неверую оно, у што дру-
ге веровати уче, и примаю тай светый чинѣ
на себе текѣ да у нѣму свое пристойно ужи-
вленѣ наѣу, а не по унутрашнѣмѣ позиву, па
зато га сѣ najveћимѣ лакомысліемѣ и од-
правляю, ерѣ високо свое званїе не иначе,
него као занатѣ какавѣ сматраю. Виде, да-
лѣ, како ови исти люди башѣ сѣ намеромѣ
простѣ народѣ у глупости и суевѣрїю утвр-
ђую, а овамо га у срцу изсмеваю; како смер-
ность и братолюбїе препоручую, а сами се
размеѣу, кавгу замеѣу, злобе, завиде и непри-
ятелюю.

И опетѣ велимѣ, да се сви честити ти-
ме тѣше, што ће макаркадѣ сванути данѣ, у

кои ће истина као казнителька своју одпадника и њны на средѹ изићи и вечной срамоти и поруганію предати све оне, кои су є кнѣили и притеснявали; — што ће сванути данъ, у кои ће сви ласкателѣи и удворице жигомъ вечите ляге жигосани быти; они, кои до неба дижу онога, кои є за данасъ у чести и власти; кои пузе и стопу любви данасъ онога, кога су юче изсмеявали, и на кога ће сутра хулити и плювати, макаръ да имъ є и благодѣтель быо, само ако случайно пострада и у несрећу падне; што ће, велимъ, сванути данъ, у кои ће кровіе народа збогъ грабежа и отимани; лажливи судіе, кои су за дарове правду продавали, и сви вообште чиновницы и званичницы, кои су се у званію своемъ неверни и небрежливи показивали, и себи подручне зоставляли, заслужену казнь искусити! Све васъ, о презренія достойни люди! васъ христіане, али безъ науке Христове; васъ користолюбце, кои осимъ свое користи за другогъ Бога незнате; све васъ скупа чека еданъ страшанъ и ужасанъ данъ, данъ Суда! — Сей же єсть сѣдз, ѿкш свѣтъ прійде кз мѣрз.

И овай „Свѣтъ“ доиста пришао! — Залудъ дакле ласкаю себи они, кои су до ушню пороцѣма окаляни, да се брукѣ њіова неће чути. Чуће се и већ се зна. То ће показати сравненіе њіове прошлости, какви су сирѣчь негда были, са садашношћу, какви

су садъ. — Зна светъ за васъ, какви сте, но какви не бы требало да сте. Немойте дакле мыслити, да ћете ваша порочна дѣла вештымъ изговорима одъ очію света сакрйти моћи. Не, не; лукавство ваше свету е познато, а оногъ „свѣта“, кои е на землю пришао, има већъ прилично. Не питайте се дакле томъ празномъ надеждомъ, да ћете ово личношћу, ово достоинствомъ, ово упливомъ власти ваше застрашити моћи оне, кои су се едномъ крепко одважили, да гнусно и скверно лукавство ваше одкрию; еръ, ако за данасъ іопитъ ћуте, али, чимъ се исподъ власти ваше отму и одтргну, знайте утврдо, да ће проговорити. Но ни съ те стране необећавайте себи победу, што ћете саучастнике тайны злочинства ваши ово пріятельствомъ, ово богатимъ даровима, ово штедримъ наградама обвезати, да ћуте. Не, не; варате се. Они ће примити ваше дарове и заклеће вамъ се, да ће вамъ до смрти верни и привржени остати; али ће васъ преварити, и како имъ се прилика за болъ изгледе укаже, издаће васъ и изневерити.

И возаквиша человекцы паче тмѣ, неже свѣтъ, рекао е Христосъ; бѣша во ѣхъ дѣла зла. — У оно време, кадъ е Христосъ на землю сишао, већа часть людій предама се была сасвимъ чувствености и само е за свое тело знала. Слобода е была саранѣна, и на целомъ површию землѣ живили су само тирани и робо-

ви. Судба овы робова была в плачевна. Ово угаѣаху незаузданой воли свои неограничены Господара, ово двораху ньюовой похоти, ово до неба превозношаху найскареднїя безчинїя ньюова. Али ови ядни люди нису заонда ни знали за болѣ. Држали су, да све то тако мора быти, и да е тако свагда было одкако е света. — Владаоцы и великаши имаѣаху на своіой страни само права и преимущества, а народи ништа друго осимъ голы дужностей наспрамъ ньи. За любовь гордости и славе свои царева ратоваху еданъ противъ другоъ и кровь човеческу узалудъ проливаху, па узъ то іоштъ се и радоваху, што су тако среѣни, да за честь и славу свои тирана кровь браће свое проливати могу. Безбройнымъ лажнымъ боговима подизаху се храмови и олтари одъ обожателя свакояке скотске похоти и телесне нечистоте; али на оногъ едногъ, невидимогъ, свудаприсутствующегъ Бога, Творца вселене едва е ко и мысліо. — Кнѣижевницы и Законоучительни препираху се између себе хитроумнымъ извртањьмъ и изопачаванѣмъ речій и смысла светогъ Писма; али, како треба Бога духомъ и истиномъ почитовати и Нѣгове спасителне заповеди испуњавати, то е была нѣма стварь споредна и ни одъ какве ползе. Фарисеи смиреномудрствоваху у храмовима и по домовима, и засеняваху очи простоте са притворнымъ добродѣтельима, а овамо, гди су заклонѣни были одъ очію света, раскоше-

ствоваху и неистовствоваху у пуной мери. — Прилѣжно су людма напоминяли, да валя у цркву нѣи, жертве приносяти, постъ и друге прописане обреде наблюдавати; али говорити о томъ, како треба срце свое одъ нечисты желя и мыслии чувати, никомъ нѣе ни на умъ падало. — Бедна простота чамила е у густомъ мраку, глупости и суевѣрїю. И кои бы се годъ усудио ню просвештавати, тай бы зло и наопако пролазио. Таквогъ су старешине съ najveћомъ ненавистию гонили, окивали, у тавницу затварали и на шибѣ отрова приморавали, износећи на нѣга часъ то, да богове и обреде почитанїя нѣеговогъ изсмеява, часъ то, да народъ развраштава, часъ то, да е бунтъ подићи намеравао. „Козленица во человекъцы паче тмѣ, неже свѣтъ: бѣша ко нѣхъ дѣла зла.“

На то ће сићи Христосъ на землю са одкровенїяма и истинама Божиима. Онъ донесе собомъ свѣтъ, да засветли свима, кои су у мраку лежали. Онъ е разговетно протолковао и права и дужности свакогъ человека; изяснио му нѣгово опредѣленїе и казао, чему се може надати. Дакле нѣе казао, да само научени и они, кои су у власти имаю права, свое нарочито опредѣленїе и свое надежде; него е рекао, да свакий живый человекъ има права, свима обшта; има опредѣленїе, свима обште; има надежде, свима обште. И потоме да свакий поединый человекъ као членъ

народа єдногъ, и сви на свету народи имаю своя права и дужности, свое опредѣленіе и свое надежде. И овай даръ науке Христове приміо в свакій, и онай последний просіякъ. И ово по себи тако просто ученіе разумео е и онай найпростіи.

Садъ се упрепасте пороцыма оддани Властницы, еръ су предвидили свое наденіе. Препаднуше се и мучительи народа, тирани, еръ се побое, да неизиѣе некако истина на видикъ и слободу собомъ недопесе. Да се помаме одъ єда фарисействомъ преиспуњии жрецы, видеѣи, да ће се недостойность нѣова открыти и да светъ неће више толико гледати на альину, него на мудрость и чисто срце. Да побесне злочинцы свакогъ рода, предузнавши, да произвольне повелѣ нѣове неће више моѣи силу и обвезателство закона и правице имати, нити да ће се греси и безаконія постомъ, одъ срца непроизтичущимъ молитвама и другимъ голымъ обредима на небу загладити и опроштеніе за нѣи получити моѣи. Зато се сви скупа договоре, да Исуса гоне, збогъ тога, што в наукомъ своіомъ целомъ свету, то єсть, свему людству засветліо и царство истине основао. И гонили су Га дотле, докъ Га нису на креть распели. Еръ „всакъ дѣлааи злаа, ненакидитъ скѣта, ѣ не приходитъ къ скѣтѣ, да не ѡблачатся дѣла ѣгш, ѣкъ лѣкава сѣтъ.“

Али суєтно в было ово свеколико озло-

бително и ненавистно гоненіе! вѣрь башъ у томъ и лежи сва сила истине, што она и наймоћниѣгъ владоца обара, найнеустрашнѣгъ войника обезоружава, иядугодишнѣ ланце робства раскида, уста лжемудраца запушава и речи и пророчества нѣова децы на подсмей износи. — Срушио се храмъ Брусалимскій; сурваше се жертвеницы изычески богова; сломи се скиптръ силногъ Рима, владавшій цѣлымъ светомъ; толика царства пропадоше, — па при свеколикимъ тимъ бурнымъ променама оста наука Христова победоносна. Све ће проћи; али Слово Божіе, ова спасаваюћа Истина остаће и трайће до века!

Но чеда мрака, люди, кои су одъ давны времена страстима своима угађати навикли, борише се, те яко, и одапираше се, да светлостъ Божіегъ свѣта землю неозари. И овомъ безчестномъ дѣлу нѣовомъ премлого поспѣшествова населеніе дивльи и глупы народа, кои изъ неопозваты предѣла у Европу наспрнувши, поплавише исту као скакавцы, разрушише и спалише све, штогодъ су лепо и спомена достойно нашли, и то на неколико столѣтїя после Христа. Наравно, да є беснило овы дивльи чета врло добро дошло онима, коима се у мраку живити омилло. Све што є древностъ доброга, лепога и краснога имала, бы разорено и уништено. Да, ни само христїанство нѣе остало на миру, вѣрь се неки у недру нѣговомъ поневидише и

уобразише себи, да су кадри Божів место на земљи заступити. Узъ нѣи появе се нови фарисей, кои нове обреде установише и рече, да одъ испуњаваня тѣхъ обрѣда спасеніе душе зависи. Препираху се Богослови о известнымъ свойствама Христовима, а забравише скоро сасвимъ на науку Нѣгову, коіомъ є онъ све люде къ Богу привести намеравао. Надметаху се у говорљивости, текъ да предъ светомъ сяю, а о исправленію срца пастве Христове єдва што поревноваше. Изъ препирке ове роди се раздоръ, а изъ раздора цѣпанѣ на єреси. Но и само ово свеколико вренѣ и таренѣ бы суєтно; єрѣ є и опетъ сила истине победу одржала, и не мало свакогъ столѣтія нове победе торжествовала. Пропаде у море забравности свеколико суемудріє людско; али Слово Божів, ова истина живота остаєе и траяєе до века.

Юштъ и данданасъ бори се свѣтъ науке Христове са глупосѣу мрака; бори се непобедима истина са заблуѣеніемъ незнаня и хитросплетенымъ мудриченѣмъ страстій, єрѣ и данданасъ мрзи на светлостъ онай, кои зло ради, да га казнъ непростигне.

Кадъ бы преблагій Спаситель нашъ у данашня времена у своіой божественой плоти на земљу сишао; кадъ бы Онъ, живый образацъ найсавршеніє добродѣтели, сердечного смиренія и чисть одъ сваке светске су-

ете, за којомъ мы као за найвећимъ благомъ чезнемо; кадъ бы, велимъ Онъ данасъ по земљи ходіо, шта мыслите, колико бы се ныи између садашњи христіяна на Нѣга угледали? Колико ли бы одъ ныи за ныимъ пошли? Колико бы царева и кралѣва, и то башъ христіянски царева и кралѣва, кои храмъ Христовъ посеѣштаваю, добровољно одрекли се славе у вођенію ратова и освоюванію земаля, а напротивъ свесердно данноѣ бринули се о благостанію подданы имъ народа? Колико бы се ныи између оны, кои науку Христову проповедаю, оканули користолюбія, суете и сяйности, и постарали се, да буду штедри добротвори, смерни, преподобни и свети, као што є нѣовъ Учитель? Колико бы ныи између Судіа, кои по миту суде, колико ли лицемера, плотоугодника, сребролюбца и пѣяница одустали одъ свои порока, и по примеру Христовомъ живили? Колико бы ныи између богаты и имуѣны людій ктели одъ блага своѣго штедре милостинѣ давати, само да ученицы Христови постану? — И шта мыслите, кадъ бы Христочъ усредъ храма, усредъ собранія свои верны дао чути свой укорителный гласъ збогъ явногъ обезсвѣченія храма Божіегъ као дома молитве, ово догледанѣмъ, ово намигиванѣмъ, ово разговоромъ и другимъ непристойностима? На кадъ бы фарисействующе проповеднике избличію, што добро уче а зло раде? Кадъ бы оныма, кои осветомъ дышу, рекао: любите

враги ваша. И кадъ бы се простомъ народу окренуо и овако му проговоріо: Приближактса миѣ людіе сїи сѹсты сконми ѿ сѹстнами чѣхтѣ ма: сердце же ѿхз далече ѿстоитѣ ѿ мене. Ксѣе же чѣхтѣ Ма, сѹчаще оѹченїемз, заповѣдемз чедовѣчскимз? Мат. гл. 15. стих. 8, 9. — Шта мыслите, како бы Христось прошао? Зарь не бы сви тїи повикали на Нѣга? Зарь не бы изнели на Нѣга, да е лицемерь, да народь бунн, да постоеѣе обреде Богопочитанїя нарушава, да е противникъ светогъ олтара Божїегъ и непрїатель царске власти? И зарь се не бы появили тужительи противу Нѣга? Зарь се не бы нашао какавъ Каяфа? Па башь и да бы се нашао какавъ Пилать, кои бы руке одъ нѣга опрао и рекао: Неповиненз єсмь ѿ крове праведнагш сегш: вы ѹзрите; азъ бо не ѿверѣтаю вз немз ни єдинымъ вини; зарь не бы наученъ и подговоренъ народь изъ грла повикао: Распни, распни єго?!

Да, да, іоптѣ се и данасъ бори свѣтъ истине са мракомъ заблуженїя и своестрастнымъ желяма! Па зато и данданасъ мрзе на светлость сви они, кои зло чине, єрѣ се бов казни, а овамо їн сама совесть изобличава, да су невалими и да казнъ заслужую. Али Слово Божїе остаѣе до века. Истина ѣе свое противнике надвладати. Царства земна разрушиѣе се; одличїя ѣе изгубити свою важность; забораѣиѣе се оно што се у училиштама научило; найизвестнїе надежде отїѣи

ће у ветаръ: али она вечна истина остаће стална и судиће свима противницима. Судиће имъ не само у срцу праведника, него и у совести нѣювы савиновника. Судиће имъ и надъ самымъ гробовима нѣювымъ устма потомства, па и у самой вечности устма общегъ, найправеднѣгъ Судіѣ. — Нека, нека, гоните вы онога, кои истину говори; али добро знайте, да истину нећете моћи у тавницу бацити, ни оковати, ни прогнати, ни изъ царства духова протерати. Убийте онога, кои се истине држи. Шта сте тиме учинили? Тело сте нѣгово умртливи. А душу? Душу нисте могли убити. Тежке жалости ваше. Но ни истину неможете умртливити, еръ ни она не може умрети. И она в безсмртна, и она ће вамъ судити.

Творди же истинѣ градѣтъ къ свѣту, да ѣвѣтъ дѣла ѣго, ѣкъ ѣ Богѣ сѣтъ садѣлана.

Тако в. Кои люби, говори и твори истину, тай ће приспети къ свѣту, еръ онъ у томъ случаю нѣ самъ, него в съ Богомъ, Богъ в съ нѣиме и самъ Богъ преко нѣга ради, еръ в истина Божіѣгъ порекла. Одъ Нѣга произлази. — Тако в, онъ ће приспети къ свѣту и неће се бояти суда истине, еръ су дѣла нѣгова съ Божіимъ садѣйствомъ учинѣна. — Шта бы се дакле плашио и снебивао одъ людій? Онаѣ, кои истину твори, неплаши се ни найлюѣи зликоваца. Онъ нема стра одъ нѣи. Шта више, сами исти

зликъвцы боѣ га се и плаше, ерѣ ин ѣ стра, да имѣ овай са истиномѣ недосади и личину имѣ нескине.

А у томѣ се и состои сила Истине, што она свакога, кои се нѣ држи, надземнымѣ мужествомѣ испуњава, и учи га презирати и сама страшила смрти. Она слабоме даѣ крепость и рабри га, да и самомѣ найсилнѣмѣ властителю смело у очи погледати може. Она ономѣ последнѣмѣ и найнижегѣ станиа човеку даѣ достоинство, одѣ кога и самый гресима окаляный тиранѣ преза. Она даѣ благоглаголивость и красноречѣе устма, кои се нису учила, да посраме хитрость и лукавство на обсени почиваюѣи доказателства. Зракѣ светлости нѣне брзиномѣ мунѣ сева по целомѣ царству духова, и на землю обара све оне, кои бы се нѣой противити усудили. И ако ѣе злочинацѣ таяти истину, али ѣе ѣ у исто време у себи признавати и осеѣати, како му скрозѣ срце пробада.

Иляду ѣ пута више добра учинѣо роду човеческомѣ онай, кои ѣ нову какву истину пронашао, него онай, кои ѣ читаво едно царство освоѣо. Ерѣ земно царство проѣи ѣе и пропасти, као и све остало, што ѣ земно, али истина трайѣе до века у царству безсмртны духова. Ко истину любви, говори и твори, тай ѣе изиѣи на светлостѣ и дѣла ѣе се нѣгова видити, ерѣ су сѣ Богомѣ учинѣна. — Шта дрѣѣшѣ, малодушный човече? Бо-

ишъ се, да се точнымъ и совестнымъ исполняванѣмъ твою дужности незамеришъ? Небой се одъ людѣй! Знай, да су дужности твое божествене! Што бы се стидю предъ светомъ показати се, да си честанъ, праведанъ и побожанъ, каошто бы и могао такавъ быти? Што ли бы се узтезао казати, шта мыслишъ и какавъ си? Изѣй свободно на среду и дай видити твоя дѣла, кои су съ Богомъ учинѣна.

Да, да, изѣйше на светлость онаѣ, кои истину любви и твори, и светъ ѣе дѣла нѣгова познати. Зато неочаявай, ты врстный, кога угнѣтаваю, ерь честность и невиность твоя неѣе остати сакривена. Светлость истине засѣяше и надъ самымъ гробовима. Па нека бы умукли подли люди, Богъ ѣе и самымъ мртвацыма уста дати, те ѣе проговорити и тебе оправдати. Неунивай духомъ, юишъ нѣе Богъ добродѣтель останю. Неда Онъ нѣой, да пропадне, ерь е свака добродѣтель сама истина. Она ѣе наѣи обрану у совести башъ оногъ истогъ, кои се изъ све снаге упео быо, да юѣи досади. — Немой да клонешъ духомъ, ты, кога светъ неознае и опорочава. Ёси ли само за користь истине радю, дѣла ѣе те твои одкрити, ерь су Божиимъ садѣйствомъ учинѣна. Светъ ѣе кадтадъ увидити и признати, да си праведанъ и невинъ быо. Твое ѣе се опомене испунити и яту твои противника судише сила истине.

О светый, првобытный и чистый источникъ свѣта и истине, Боже мой и Отче мой, къ Тебѣ се подиже духъ мой, да га осветишь, очистишь и оснажишь! — И я ѣху, на Твою заповѣсть, дѣла истине творити безъ никаквогъ стра одѣ людій; гониѣху изъ себе адску власть заблуженія и страстїи и, остаѣху у томъ себи веранъ, каошто и треба да самъ спрямъ Твое свете волѣ, кою намъ в Исусъ Христосъ одкрїо. — Неѣху се ни о свртати, шта светъ говори и шта бы онъ радо слушао, нити ѣху подражавати ономъ, съ чимъ се савестъ и убеженїе мое неслаже. Чуваѣху се, да ме подло лукавство света не окужи, кои и найхуѣ дѣло явно похваляе, само да изъ милости и благоволенїа неиспадне, а овамо га у себи строго осуѣе. — Не, не, оѣху сасвимъ истине да се држимъ и речма и дѣломъ, нѣой, коя ѣе ме судити; нѣой ѣху цео животъ мой посветити; за ню ѣху до нужде и погинути, каошто в Исусъ Христосъ, Спаситель мой, за ню умрео и многи одѣ послѣдователя Нѣгови.

Освети ме, Боже, оснажи ме у Твоїої истини; Слово Твое истина естъ. Аминъ.

ЧОВЕКЪ ПРЕДПОЛАЖЕ А БОГЪ РАС- ПОЛАЖЕ.

Шкрый ко Господу пѣть ткой, ѿ уповай на Него: ѿ тѣи сотворитъ. Псал. 36. стих. 5.

Препоручи се у свему Богу и неосланяй се на руке човеческе. Уздай се слободно на благость Нѣгову: спрѡбу Нѣга нема ништа ни великогъ ни трудногъ; нема ништа, што Онъ не бы могао учинити ради прославленія имена своего.

Што си годъ кадъ Нѣму, Нѣговой управи оставію, све е Онъ то ояко устроію, како е по тебе найболѣ; што ты намеѣу твоіюмъ нися могао ни сватити, то е Онъ давно и давно предвидію. Како е Онъ рѣшію у своемъ совѣту, тако ће и быти; безъ Нѣгове воли неможе се ништа догодити.

Кои се на туѣу речъ, на туѣу помоѣ осланиа, тай е прошао. — Ово е тако ясна и осведочена истина, као што су два путъ два четири. Ту нетреба многогъ и дуговременогъ искуства. Проведи само неколико година съ людма, на ѣшъ се уверити, да е тако. Веѣъ и сама деца, кадъ се често зававажаю, починю двоумити и неверую одма на

прву речь . было да имъ се што пружи, было да имъ се што обећа. И будући су деца по самој природи безазлена, простосрдечна, дакле на верованѣ готова, то им доста скупо ставѣ юшть у детинству своемъ зачети неповеренѣ къ людма. Но мало доцнѣе, кадъ изъ детинства у юношескѣй возрастъ дођу, оживи у њима са обновлѣномъ силомъ нагонъ, по комъ су склонѣни и готови све и свапта веровати. Садъ имъ долази, да су у детинству одвише глупи были, и да по глупости својой нису ни умели людма веровати, па зато су и претрпили многе неприятности. И да бы ову погрешку загладили, почну се ватрено людма прилюбявати, верую имъ, повераваю имъ се, ославяю се на њѣову речь, слушаю советъ њѣовъ, ступаю у прѣтельство съ њима и утврђую то за до века. О, како имъ в садъ мило! Они држе у памети, да су се са тако добрымъ, тако краснымъ людма сдружили, тако верне и услужне прѣтель стекли, и одъ срца сажалѣваю оне, кон су цео векъ свой съ людма провели, па ни у комъ вере не нашли, ни у комъ повереня не искусили.

Али време лаковерногъ юношества брзо пролети. Оне байне, много обрицавшие надежде ватрене младости ступанѣмъ у зрѣлѣ годне сасвимъ другѣй видъ, другу бою добію. Они негдашњи верни прѣтели растопише се, променуше се. Еданъ в отиша о на край света да срећу свою тражи; дру-

гій в пострадао и пропао; трећий се просла-
вио и неће ни за кога да зна; четвртый в за-
блудио, а петый умрео. И тако одъ толи-
когъ ята пріятеља неоста башъ ни еданъ.
Сирома онай, кои се на свое пріятелѣ толи-
ко ослањао и уздао, остаде самъ самцитъ,
преваренъ, изневеренъ, поруганъ. И само
іоштъ у томъ утѣху налази, ако в у своіой
децы стекао верна и искрена друга, кои ће
му до гроба привржени и постојани остати.

Право в дакле рекао царъ Давидъ, мужъ,
кои в у животу своемъ много искусіо и пре-
трпіо: Благо ёсть надѣкнѣти на Господа, нежели
надѣкнѣти на человекѣа. Псал. 117. стих. 8. Бо-
лѣ в уздати се у Бога него на човека. —
Речи ове изникле су изъ дубльине срца нѣ-
говогъ. Съ нѣима в онъ изразио мудрость
живота своего.

Лепа в, благородна в стваръ, любити
свогъ ближнѣгъ, помагати му саветомъ и дѣ-
ломъ, жертвовати се за нѣга и срећу нѣго-
ву; али, ты, кои све то радо чинишь, немој
се обзирати, да ти ко рекне: „фала“, а іоштъ
манѣ очекуй, да ти се займъ врати. Брѣ,
видишь, люди су ваобште себични и, свакій
само себе гледи и само свое користи има
предъ очима. Све друго, што у рачунъ нѣ-
овъ неиде и што в далѣ одъ нѣи, ради су
као средство за свое цѣли употребити. А
всу ли еданпутъ до пожелане цѣли дошли,
презиру средства, коима су се служили, као

исто блато. Ова себичность, коя очвршћуе срца едно прама другомъ, и суровошћу и немилосрдіемъ испуњава га; ова себичность, коя наводи човека, да задату верность покази, и да се у грехъ и порокъ заглиби; — та иста себичность искоренява изъ срца нѣговогъ веру и поверенѣ у свомъ сабратау. И будући по већој части свакій само за себе и за свое користи живи; и кадъ другоме у помоћ притиче, было саветомъ, было деломъ, было каквомъ му драго услугомъ, обично чини то изъ споредны себичны узрока: зато и есте право пріятельство врло редка стварь на свету, ако не рећа одъ беле вране. — Ђ л' те срећа на високо попела; заповедашъ ли многима; т л' ти власть у рукама; имашъ ли блага у изобилію; вси ли презорљивіи одъ многи други; — знай напредъ, брате, да ће већа часть твои савременика завидљивымъ и ненавистнымъ окомъ на тебе гледати, а друга маня часть чисто свое користи ради лецићете се и обожаваћете. Ђси ли напротивъ у нискомъ и незнатномъ станю; вси ли слабіи дарова душевны, а къ томе іошть сирома, — е, мой брате, да видишъ, како ће те свакій потрлати и као съ некимъ правомъ услуге одъ тебе изискивати!

Неузмогне ли те као средство за свое цѣли употребити, а онъ ће те или презрительно погледати, или ће ти равнодушно лећа окренути. — Редки су они, кои ће те ценити по твојој внутренней вредноћи, а іошть

рећи, кои ће ту твою внутреню вредноћу признати и тебе спрамъ те цене уважавати и почитовати. — Та и поданицы се одричу свогъ владателя, кои едномъ съ престола свогъ посрне. — Ученицы се стиде свога Учителя и избегаваю састанакъ съ њиме, само ако е безчестно прошао, было у свомъ рођени месту, было у отечеству. — Питомцы заборавае на свогъ Благодарителя, само ако е пострадао и у сиротиню пао. — Ништа нѣ у станю победити себичность; она е старія, преча и претежнѣ одъ благодарности, одъ высекпочитанѣ, одъ најтешнѣ свезе сродства, одъ свогъ собствене крви; тако е она силна!

Зато неверуй речма и обећанѣма людскимъ; или баремъ немой имъ одвећъ веровати; ерѣ треба да знашъ, да е испостоянство природно свойство свакогъ човека. То му е урођено. Колико ия е, кои у подне већъ поричу и одричу, што су тай истый данъ изютра обећали. Ништа нѣ стално кодъ людѣй; ништа неостае кодъ њи истоветно. — Прама промени стани на болѣ или на горе, меня се и њѣово внутренѣ убећеніе. Съ годинама меня се самъ човекъ, меняю се желѣ, наклоности и ѣуди, најпосле и сама основоположенѣ њѣгова. Та и самый гласъ у човеку менѣсе, каошто се и ликъ њѣговъ меня. Какавъ е ко быо лане у ово доба године, садъ већъ нѣ такавъ. На шта мыслишь о себи, човече, зарѣ си ты сталанѣ

и постоянь? Заръ се и ты неменяшь, ты, кои се на людско непостоянство жалишь и ядикуешъ? Заръ си ты данасъ онакавъ и етый, какавъ си юче и пре тога быо? Са променомъ твои обстоятелства променуле су се и мысли твои. Ступанѣмъ у друго станѣ примю си на себе друге дужности. Што си старин и зрелин, све то другчїе мыслишь и чувствуешъ — Одтуда долази то, што люди безобзирце газе найсветин обећаня, за коя су утврдо дали речъ, да ће и испунити; — одтуда и оно свакидашиѣ нарушаванѣ кетвомъ утврђене свезе супружества и прїятельства, за кои целостъ бысмо готови главомъ нашомъ вмствовати.

Неуздайсе дакле и неосланийсе на човека, на нѣгову речъ и помоћъ, кадъ добаръ советъ и благовремену помоћъ узтребуешъ; ерь су одвећъ редки онакови, кои о теби, о твоиъ станю, о потребама и желима твоима честно и некористолюбиво мысле. Редки су, велимъ ти, ти благородно и безкористо мыслећи. И шта ти се чини, оћешъ ли ии моћи свагда разазнати, кадъ е число нѣово тако маюшно? Па нека бы было да ии познаешъ, пытанѣ е: оће ли они кодъ природногъ непостоянства людскогъ, остати сирамъ тебе постоянни, непроменьльиви? — Чувайсе, неверуй слепо никомъ! Судбу твою нигда неповеравай едномъ единомъ човеку — Више пута притворна хитрость и лукавство говори съ тобомъ подъ видомъ найискрени-

всѣ добросердечія, и гди бы рекао, да поште-но срце бiе, и да онако збори као што осе-ћа, ту е сама сушта пакостъ и злурадостъ. Зато узми се у паметь и не буди никомъ са-свимъ одданъ. Чувай свое тайне за себе, ерѣ незнашъ, каквомъ ћешъ ии врагу откри-ти и воверити. Ахъ, колико е пута добаръ, простосердечанъ човекъ био жертва потай-ногъ лукавства и преваре!

Но већъ ако си у тако тежку нужду пао, да безъ туђе помоћи бити неможешъ, (као-што е сви ваобште и потребуемо), немой, молимъ те, задати на доброту срца оногъ лица, кое молити мыслишъ, да ти помогне; нити варай себе, да ће онъ изъ уваженія твое врлости и твоей заслуга теби у помоћъ притећи; а јоштъ манъ држи, да се срца нѣ-говогъ коснула твоя честность, твоя добро-дѣтель, твое потребито станѣ; — ая, одъ свега тога нема ништа, и съ те стране сла-бо се надај; него пре се надај, да ће ти по-моћи у томъ случю, ако нѣгова собствена користъ такову помоћъ одобрава. Зато не-ма на земљи постояннѣгъ пріятельства одъ оногъ, кое е сама природа основама. По то-ме е найдуговечнія свеза између родителя и чеда нѣовы, и између мужа и жене; ерѣ ту нема цепаня ни раздваяня, него што едногъ боли, то боли и другогъ; што едногъ радуе и весели, у томъ и сви прочи участвую. Срамота и безчестіе еднога уедно е срамо-та и безчестіе свию. Праведно е дакле да

између овы лица буде савршено и подпуно узаймно поверенѣ, и да еданъ другогъ тайне знаду.

Но да видишъ, како е и у овомъ случаю непоузdana помоћ човеческа! Зато умери своѣ надежде, своѣ узданѣ на ню, и немой, да іой се слепо предашъ. Незидай ништа утврдо за твою болю будућность на и мене те помоћи; ерѣ да ти е знати, како е по себи слабачко и непоузdано на овомъ свету и само оно, што ти се чини, да е као стѣна тврдо и непокретно! Некъ наиђе болестъ, некъ дође приа смрть на оне, на ков си ты сву твою надежду возложио, шта ћешъ онда? — Некъ случай здружи децу твою са злочестымъ друштвомъ, ко ће ии сачувати одъ пропасти? на кудъ су онда твоѣ бывше радости, твоѣ праведне и топле надежде? Некъ ко облаже кодъ тебе твогъ найвернигъ и найискренигъ друга и прѣтеля, камо, гди су ти онда радости живота?

Зато ти и опетъ велимъ, да е свакій онай прошао, кои се само и чисто на човеческу помоћ ослаия и узда. Онъ е већ тимъ самымъ прошао, ерѣ е свою себетвену цену и вредноћу проиграо, коя му е превећь нужна, ако жели любовъ свои ближњи задобити. Та цео светъ обично презире онога, кои нѣ кадэръ самъ себе држати, него за свашта туђу помоћ требуе и ништа самъ о себи нѣ вреданъ извршити. Зато оному

свакій радіє и усрдніє помаже, кои поређе туђу помоћъ тражи. Кои внутренѣ осећа у себи снагу и мужество, да и найчемернію судьбину спокойно поднети може, тай ће обште удивленіє и почитаніє у людма побудити; а кога люди почитую, томе су бoме и пріятельски наклонѣни и готови руку помоћи пружити. — Ко има доста, томе се радо дає, ерѣ се съ временомъ подобна помоћъ одъ нѣга очекивати може.

Ни у комъ случаю, ни у коимъ му драго обстоятелствама неуждай се толико на туђъ советъ и туђу помоћъ, колико на свое собствено мужество и бодрость. Кои себе тако лако неподає, тай іоштъ нѣ изгублѣнъ. Свеколико теженѣ твоє тамо некъ се клони, да будешъ самосталанъ и независимъ: то ти є главна христїинска дужность. Обикавай се живити безъ туђе помоћи, па ћешъ онда бити крепакъ и силанъ. Научи се съ малымъ бити задоволянъ, па ћешъ богатъ бити.

Правый Мудраць учиниће другима све и свашта, али неће одъ нѣи за себе ништа искати. Тако є радїо преблагїй Спаситель нашъ. Кудгодъ є пролазіо, помагао є и умолѣнъ и неумолѣнъ, али одъ людїй ништа за себе нѣ тражіо. — Што є више руку на твоїој срећи радило, све є то срећа твоя непоузданїя. Ты само онолико имашъ, колико самъ себи у твоимъ собственымъ очима вредишь. Ты са самымъ собомъ єси себи най-

вѣій пріятель, а Богъ в общій пріятель свою людій. Па шта тражишь вѣе и болѣ? Ко съ тиме нѣ среѣанъ, него іоштъ нешто више тражи, да среѣанъ постане, тай в правый робъ света и светски обстоятелства.

Имай тврдо узданѣ у себе самогъ, кадъ среѣу свою тражишь и станѣ свое поболшати трудишь се. Надежда на туѣу помоѣ нека ти буде стваръ узгредна, па вѣишь, веруй, манѣ потреба имати. — Но, послунай ме, шта ѣу те пытати. Да ли ты познаєшь свою собствену силу и снагу? то естъ, знаешь ли, шта можешь и колико си кадаръ? Многи су люди пропали и затрили се само збогъ тога, што нису себе познавали; што нису знали, гди и у чему лежи снага нѣова.

И пита мыслишь, коя в твоя найболи, коя ли в твоя собствена снага? Да ли богатство, кое си стекао? или наслѣдіе, кое получитьи надашь се? или ступанѣ у сродство са баквомъ сѣйномъ, многоможномъ породиломъ? Или, може быти, твоя наука, твоє знанѣ и способность? или заръ твоє званіе или твоє достоинство? О како се люто варашъ, брате! Та све то, што си садъ изброяо, туѣе в, нѣ твоє благо и пуно в неверства и издае. Зло за тебе, ако су стубови твоє среѣе на овимъ лажливимъ благамъ основани; то си ты на песку зидао, и то зданіе неѣе се одржати; пасѣе, срушиѣе се! Веруй, доѣи ѣе таки дани, у којима свеколи-

ко богатство твоє неће ти ништа помоћи; догодиће се таква обстоятелства, у којима ће те башъ истый твой највернии и најрођении оставити и изневерити; снаћи ће те мота невоља, одъ коє те неће моћи одбранити ни твоє званіє, ни твоє достоинство. Видишь ли, да нема снаге ни у новцу, ни у пріятельима, ни у званію, ни у достоинству, ни у способностима. Све су то текъ узгредна, на поредъ тога іоштъ одъ случая зависећа спомагателна средства, коя те могу у свако доба издати и изневерити, на шта ти онда остає?

Труди се, да познашь себе, своє собствене силе, и моћи, оне те неће никадъ издати, каошто ни ты самъ себе нећешъ изневерити. Те силе єсу: Благоразуміє и Добродѣтель. Съ њима двема победивешъ цєло свєтъ. Исполниска снага лежи у њима. — Никакавъ радъ незапочини пре, докъ се најпре зрєло непромыслишь, а што єдномъ смислишь и наумишь, изврши то съ највєћомъ точносћу и съ најсавєстнїимъ поштењемъ. Настой, да помоћу твоєга благоразумія сачуванъ себе не само одъ уплива туђе помоћи, него и одъ вредоносногъ уплива твоєи собствєныи страстии, коє ће ти влєдма неугодиностїи проузроковати. Умниєє и поревниуй, да помоћу твоєи добродѣтели узвисишь себе и надъ туђомъ чувствєносћу; єръ правою добродѣтелии свакої се радо кланя и неможе іої своє високопочитаніє и любовъ одрећи.

Али е човекъ одвѣхъ слабомоѣанъ и памѣну своіомъ кратковидъ! Колико га пута и найсмысленіе благоразуміе и найнесумнителніе увиѣенъ обманути може! Ахъ, да слабачакъ ли е, да немоѣанъ ли ти е чочекъ! Колико пута и найчистіа добродѣтель нѣгова поерне! Наше дакле собствене силе одвише ту непоуздане. — Но има една веѣа, крепчія сила, кои нити ослаблява, нити уступа. — Има іоштъ една виша мудрость, кои нигда и ни у чемъ погрешити неможе. Има една обшта, свеобимаюѣа любовь, кои у снаги своіой нигда неослаблява и трае за све векове! О христіянинне! было да си среѣанъ, было да си несреѣанъ, незаборави обратити очи твое на ову крепку силу, на ову найвишу мудрость, на ову свеобимаюѣу любовь! Нека бы было, да те се сви люди одреку; нека те све остави и изневери, опетъ зато буди утѣшенъ, еръ има еданъ, кои те нигда оставити неѣе. Онъ ти е Отацъ, а ты си чедо Нѣгово. Онъ се неѣе тебе одреѣи, нити ѣе те презрети и одбаѣити. Та Богъ нашъ може више деломъ учивити, негъ што е человекъ у станю и помыслити. Зато и усклицава пророкъ Давидъ: Благо ѣсть надѣкатиса на Гѣспеда; нежели надѣкатиса на челекѣка. Псал. 117. стих. 8.

О како бы человекъ усередъ себи равны створеня, коды толики свои моѣий и сила беданъ, очайный животъ проводить морао, кадъ бы самъ себи оставѣиъ быо и, не бы смео са узданѣмъ очи свое управити на оно-

га, кои га е саздао и кои се тако отечески о нѣму брине! Суѣтно е свекоoliko твоо надиманѣ, Богатиру; празно е твоо самоузда-нѣ. Ты мыслишъ, да е све то, што имашъ, твоя мудрость стекла, твоя штедня сачува-ла; али, веруй, то е текъ мечта твоя, твоя обмана; то е текъ празна слава. Куцнуѣе часъ, и то кадъ се ненадашъ, и, твоо толи-когодишнѣ тециво растопиѣе се и станѣ твоо преврнуѣе се. Но знай, да има една свемоѣна десница, коя судбама людскима у-правля! За нѣну свесилну моѣ зна и самъ найсилнѣи царъ и освоитель. Истина, да чи-тави народи имаю стра одъ нѣга, и бое га се; али онъ истый стрепи у срцу и страши се гнѣва и казни одъ Онога, кои е изнадъ зве-зда, изнадъ сунца и месеца; кои за насъ не-понятнымъ начиномъ руководи судбомъ ка-ко найсилнѣегъ земальскогъ владооца, тако и найсиромашнѣегъ нѣговогъ подаивка! — И-стина, да лакомыслень човекъ свакиъ часъ на Бога забораваля, — али зато опетъ Богъ живи и дѣла! Истина да ѣе зломудрацъ Бо-гу маане наѣи и хулу на Нѣга реѣи, као: да Онъ немари за насъ нити се стара о нама; — али Богъ е зато опетъ живъ и стара се отечески башъ и о самомъ томъ зломудр-цу

Далеко е узвишеніе и претежнѣе дѣло Божіе негъ што су мысли и мудровани люд-ска! Зато неуздай се много на човеческу речъ и помоѣ, ерѣ ѣешъ пропасти съ нѣо-ме заедно, него се придржавай и уздай у

Бога. Само се Нѣга твердо држи, нећешь пропасти. Колико смо пута имали прилику осведочити се, како су најболѣ смыслѣна предпріятія, найзреліи умышляи людски тако рећи у ветаръ отишли; колико ли смо се пута уверили, да є наше смыслено суѣенѣ, коє смо мы за непогрешно држали, было право заблуденіе! Мы се мучимо и усиливамо, печалимо и промышлявамо о нашої и колена нашегъ будућности, а Богъ текъ малымъ претомъ макне, и мы смо са свеколикомъ мудросћу и прозорљивосћу нашомъ посрамлѣни! Но при свемъ томъ оуетъ є све болѣ испало, негъ што смо се мы надали! И онда текъ видимо, како є излишна была онолика брижљивость наша. Колико смо пута сузе жалости ронили, кадъ насъ є люта неволя одъ свою страна притисла. Али тай стра быо є излишанъ; те сузе могле су изостати; ерь се Богъ болѣ старао о нама, негъ што смо мы у станю были за себе старати се. И текъ у доцнє време, после толико година прогледамо и осведочимо се, да є мудрость Нѣгова на најболѣій начинъ съ нама расположила и поступила. И ово осведоченѣ некъ намъ буде доволянъ ємаць и за оно, што засада іонтъ неувидѣамо и непоміамо.

Дай дакле люди и браћо, да овомъ Отцу духова, овомъ, до у безконечность премудромъ Богу пуно наше поверенѣ поклонимо и, да сву надежду нашу безусловно на

Нѣга возложимо; ерѣ само Онѣ савршено зна, шта е за насѣ найболѣ! И инко, осимѣ Нѣга еднога, неможе тако бистро прозрети и целу будућностъ предвидити. — Векѣ Нѣговѣ неможемо мерити по дановима и годинама, ерѣ е за Нѣга све садашњостъ, а ова безконечна садашњостъ зове се вечностъ. Клубче свию судбина на свету одѣ Нѣга е смотано! Ова играчка безчислены случаева у свету; оно узаймично утицанѣ етолѣтїя и тренутака између себе; онаї утакмичный упливѣ и најсилниѣгѣ на свету народа, и оногѣ најнемоћниѣгѣ на сиси детенцета, све е то, човече и брате, само Нѣму единомѣ познато и ясно, ерѣ Нѣгова света воля свуда и у свему влада. Зато, велимѣ, ослонимо се на Нѣга, Господа нашегѣ у свему. Имаймо повереня у Нѣму, Сведржителю и Светоуправителю, ерѣ Онѣ зна и за оногѣ последиѣгѣ у прау прва. И за нѣга се Онѣ стара.

Я реко малопре, да Онѣ еданѣ зна, шта е найболѣ; но Онѣ може и учинити оно, што е найболѣ. Та разсуди, шта е кадарѣ немоћный, тупоумый човекѣ? Зарѣ може онѣ продужити животѣ свой, ако ће бити и са единымѣ даномѣ, са единымѣ часомѣ, са единымѣ тренуткомѣ? — Па шта су најпосле и тїя славни мужеви, ков светѣ преко звезда диже и обожава? Шта ли су владоцы и властници нїюви спреамѣ Бога? — Ништа! Пра и пепео! — Они могу, истина са читавымѣ народима као са мртвымѣ о-

рудіємъ, ово претнѣомъ и страомъ, ово благосѣу и мудросѣу дрмати. Могу великолѣпна зданія и читаве градове сазидати; — премда и еданъ мравинякъ у художеству своемъ тимъ великолѣпнымъ зданіима неуступа. — Могу споменике подићи, коима ће се потомство дивити; — премда в еданъ влать травице далеко удивителнии него найбільій производъ свеколикогъ художества людскогъ. — Могу неброено благо разсути и разпокланяти. Све то могу они. Али кодъ свеколикогъ и толикогъ створа свогъ немогу сами себе усрећити. Немогу одклонити одъ себе толике немоћи и болести. Да, они ако и есу силни, опетъ су зато подчинѣни вечнымъ законима природе исто онако, као и оно зрнце пра у сунчаномъ зраку. Ни една волна на рецы непокорава имъ се, нити престае ветаръ одъ дуваня на речъ нѣову.

Само Онъ еданъ, коме се све и свашта повинуе, може учинити оно, што в најболѣ. Съ Нѣговимъ свемогућствомъ неможе се никаква сила успоредити. Нѣговой вољи неможе ништа на супротъ стати; еръ Онъ све може!

Но Онъ оће и жели оно, што в најболѣ! И бо може чистіе, некреніе и, безкористніе любити одъ Нѣга саздане твари? И, чимъ смо мы кадри блаженство Нѣгово увеличати? И, има ли на целой вселеной тварке, коя нів изъ Нѣговы руку произишла?

Онъ, великъ, оне оно, што е најболъ. И ко сме о томъ сумняти? Смело управляй очи твоє на Творца твогъ о Маловерче! ниси изгубльнъ, небой се; Онъ те люби и жели ти оно, што е за тебе најболъ. А да Онъ доиста жели теби оно, што е за тебе најболъ, о томъ некъ те увери Нъгова доброта и благодать, којой мере и края нема; некъ ти емствує за то твоє собствено быће. Заръ ние у Нъговой власти стаяло, учинити, да ты никадъ овай светъ неугледашь? Безъ Нъгове волъ ты бы было ништа. Али, Онъ е, видишь хотео, да се и ты у числу небровны створєня Нъговы нађєшь. И тебе е хотео чудне своє благодати и милости участникомъ учинити. И ты си дошао на овай светъ, и ето живишь. Ты Га познавшь; именовъ Га именуєшь, и славить и преуносишь свето име Нъгово. Онъ ти се обеђава и тако ређи нуди, да ти буде Отаць и жели, да ты будєшь чєдо Нъгово. — На страну дакле са свима твоимъ немоћима и несавршенствама; одбацы све твоє нечисте желъ и наклоности; отреси се бриге и стараня о насущномъ лебу; о спољнъимъ твоимъ отношеніяма; о твојой судбини и, о жребію оны, кои су срцу твоємъ наймили и најближи. Све твоє бриге и потребе одложи на Бога и ослони се на Нъга, съ тимъ тврдымъ уверєнъмъ, да ће Онъ најболъ о теби промыслити.

Болъ е, по владу пута болъ е и пробитачнє уздати се у Бога него на човека. —

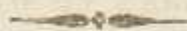
О ты всемогућа сила, коя все садржавашъ и любовію Твоіомъ обимашъ! Ты, кога ме є Спаситель мой, Исусъ Христосъ Отцемъ моимъ звати научію, коме другомъ да се поверимъ ако не Теби? На кога другогъ да се уздамъ, ако не на Тебе єднога? — Ты си ме возлюбію пре негъ што самъ на овай светъ дошао, зато си ми и дао быће и животъ, и, нека бы судьбина моя у животу была коя му и каква му драго; и нека бы я себе несрећнымъ називао, было по томе, што далѣ одъ носа невидимъ, было по томе, што ми є ерце ранѣно збогъ неиспуњены желы нѣговы: опеть є зато станѣ оно, у комъ се налазимъ, за мене найболѣ, врь си ме Ты, човеколюбче, премудрый и много-милостивый Отче и Боже мой, у то поставію!

О како самъ ведаръ и са самымъ собомъ помирень; милина нека тече ми крозъ све жиле. Я осећамъ на себи, я знамъ, Боже, да самъ Твоє чедо! Отче духова! Ты живишь у мени и у мойма; душе наше текъ онда ће подпуно Тебе и путове промысла Твогъ познати, кадъ се одъ овогъ трулежу подложногъ тела разреше. Онда ће и себе и овай поредакъ у свету дублѣ и яснѣ прозрети.

Нека бы све тавно и мрачно предамною было, али предъ Тобомъ, Боже, ніє ништа тавно ни мрачно. — Нека бы се меня чинило, да се никако нећу моћи опростити беде, у којой се давимъ, нит' да ћу моћи поврати-

ти се у преѣшнѣ спокойство; али за Тебе, Боже, ніе ништа немогуѣно. — Нека бы срце мое у тежкой невољи уздануло и заплакало се — кое сузе непримени ми Боже и Отче мой за грехъ, ерѣ самъ слабомоѣнанъ человекъ; — опеть ѣу зато я са синовнимъ на Тебе узданѣмъ воити: Буди воля Твоя у свему, ерѣ што Ты оѣнешь, оно е наиболѣ.

Благо мени, докъ се Тебе еднога држимъ! Благо мени, кадъ ме Ты самъ ободравашь, да сву надежду мою на Тебе еднога возложимъ, ерѣ тако самъ говоришь у светомъ Твомъ слову: Мужайса ѣ крѣпйса, не вѣйса, ни ѣжасайса, ни ѣстрашайса: ѣкш Гѣсподь Богъ ткѣй изъ ѣстѣпитъ ѣ тебѣ, никѣ ѣставитъ тѣ. Второзак. гл. 31. стих. 5, 6. То есть, рабри се, небой се, нестраинсе; ерѣ Твораць твой и Богъ твой неѣе те самогъ оставити, нити одъ себе одбацити.

ДАРОВИ СРЕЋЕ.

Кбйждо сѣкоже прїатъ дарованїе, междѹ себѣ сїма слажаще, сѣкш дѣбрїи строїтелїе разлїчнѣмъ благодѣти Бѣжїа. I. Первово гл. 4. стих. 10.

Немолимъ ти се, Боже, да ми дашъ богатства и чести; ерь и да самъ Господаръ надъ цѣлымъ светомъ, а да немамъ Тебе, Отче мой, о како бы я беданъ быо! Но молимъ ти се, да ми разумъ просветишь, да Те познамъ; а узъ то, да ми дашъ срце, пуно смерности, ков ѣе и у добру и у злу Тебе Отцемъ звати; да канешъ у мене по кою капльицу врености и мужества, кадъ ме тежка неволя притисне; да ме научишь смиравати се, кадъ ме среѣа у наручїа своя узме и, да улїешъ у мене живо саучастїе справъ горки рана мои ближнїи. — Ко све ово има, браћо, тай є богатъ, пребогатъ; тай є великъ, превеликъ!

Зашто ли є промысао Божїй тако нееднако подеміо ова земна блага? Зашто су дарови среѣе често у рукама онаквогъ човека, кои є тогъ благодарїиїа сасвимъ недостоянъ? Зашто ли є напротивъ честна и добродѣтельна породица често леба жельна? Зашт' да се мударъ и способанъ човекъ у сиротињи дави? За-

што ли се напротивъ незналица и леньвицаць слави, у свили и кадифи шири и, надъ толикима способныма узноси? За што провидѣніе Божіе добру волю ближнѣлюбца толико пута безъ подпоре оставля? За што ли неправедника и злочинца обасипа найсяйніимъ даровима душе и найизобилніимъ даровима среће? О какавъ бы то рай было овде на земљи, кадъ бы добродѣтель, побожность и мудрость іоштъ овде са найвећомъ срећомъ и благополучіемъ саюжена и спарена была!

Овакова пытани често предлагае себи човекъ, кадъ види, да порокъ и грехъ господствуе и царуе, а добродѣтель до землѣ понижена у прау лежи. Да, овако пыта себе човекъ особито онда, кадъ е са судбомъ своіомъ незадоволянъ, и кадъ себе, свое имя и станѣ сражнява са станѣмъ онаковы лица, о којима е подпуно уверенъ, да нису больи одъ нѣга, ни по доброты срца, ни по свойствама и даровима душе. Са оваковымъ одприлике речма ядикуе се човекъ, гдикадъ и преко волѣ свое, на благость и премудрость промысла и, жао му е, што и нѣга ніе обдаріо и надгледао као толике друге.

Но заръ е провидѣніе Божіе при деленю свои дарова доиста тако неправедно? Гди е тай любимаць Божји на земљи, милошу и благодѣянїяма нѣговима толико одликованый, коме бы ты праведно завидити могао?

Прибери, молимъ те, твоѣ мысли и утишай своѣ сердце, па онда почни испытивати и претресати дѣла промысла Божіеѣго, и то озбыльно и съ najveћимъ вниманіемъ, у koliko око слабоумноѣго и кратковидноѣго чловека у дѣла светоуправлянія проникнути може. Свако овакво размышленіе увериће те, koliko су жалбе твоѣ несправедне, и, освѣдочићешсе, да те тужбе нису изъ разума твоѣго произишле, него изъ претеране желѣ за богатствомъ, изъ честолюбія и незауздане чезнѣ за плотоугодіемъ, и ово освѣдоченѣ помирнѣ те са наредбама несравнено мудроѣго промысла Божіеѣго.

Теби є криво на Бога, што ова земальска блага тако нееднако дели. То єсть, ты се жалишь, што и теби нїє дао онолько чести, среће и богатства, као толикима другима. Лена стварь. Ты дакле неговоришь то, што жалишь оне, кои су кудикамо сиромашнїи одъ тебе, него говоришь, што завидишь оными, кои више имаю одъ тебе. Дакле туђе благостанѣ раздражава у теби зависть, и ты одъ мукѣ вичешь на Бога! Стидь те было! Кадъ бы ты знао, koliko є благотворна, koliko ли нужна ова иста нееднакость стани! Да ти є знати, како много приноси къ облагороженю рода човеческоѣго ова многоразличность судьбина: ты не бы никадъ у срцу пожелю, да се та велика и краєна наредба Божія промене. Ты истый не бы желю у таквой земљи, у таквомъ свету

живити, гди бы свакій теби раванъ было, и по разуму, и даровима душевными, и по богатству, и по чести и уваженію; не бы, велимъ хтео живити онде, гди еданъ другогъ помоћи нетребує; гди нема нико прилике свое умне дарове развити, свое богатство умложити, свое уваженіє увеличати и узвисити. Зарь ти не бы дотужала та непроменьливость, то вечито на единомъ истомъ месту стаяиѣ? Зарь бы ти се мило живити онде, гди е еданъ одъ другогъ сасвимъ независимъ, гди се нико тугой помоћи ни надати неможе и, гди еданъ за другогъ неће ни да зна?

Ако се дакле жалииѣ на Бога и премоисао Ньговъ само себе ради, то есть, ако ти е жао, што ти Богъ ніє што веће и више уделію, зашто се уедино несетииѣ и оны, кои су кудикамо маиѣ добили негъ што ты иманиѣ, а можда су кудикамо заслужии и достойнии одъ тебе? Зарь да се поремети онай вечный поредакъ света за любовь твоє суете и твога малоумія? — Ахъ, та твоя су зактиваня сасвимъ продрзлива и високоумна. Она сведоче, да ти е умъ болестанъ, ерь га е своелюбіє и себичность заразила. Ты несмешь одъ стида казати предъ светомъ, шта желииѣ и зактиваниѣ, ерь бы люди и тебе и желъ твоє презирали. Шта мыслииѣ, кудъ ся заблудію? Зарь то оѣнешь, да онай премудрый са своимъ свемогуѣствомъ твоимъ лудостима угаѣ?

Ты се лютишь и говоришь: зашто да срећа служи онога, кои е незаслужуе? И, зашто да има свега онай, кои е тога недостојанъ? Но молимъ те, кажи ми, ко е тай недостојанъ? Ты одговарашъ, да е онай недостојанъ, кои неуме получену срећу и њне дарове полезно уживати и употреблявати. Добро. Но пытамъ те, еси ли ты у томъ случаю званъ судія? Знанъ ли све, што ти е знати нужно, да безпристрастанъ судъ изреченъ и, да кажешъ, кои е тай недостојный? Шта ти се чини, да ли су ти познате све тайне светоуправляя Божіегъ, и да ли можешъ известно казати и опредѣлити, колика е полза, колика ли штета разны устроенія Божіи? Ко ми стои добаръ, да толико миліона людій мудрив, честитив и полезив дарове свое среће употреблюю него онай, кога ты осуђуешъ? Ты само њѣга едногъ видишь и само на њму едномъ то примѣчавашъ, еръ те светлостъ станя, богатства, уваженія и достоинства њѣговогъ заслеплява; али ты ништа незнашъ о толикимъ миліонима, шта раде и шта нераде; незнашъ, велимъ, еръ кругъ дѣятелности њіове непознаешъ. Можешъ ли самъ себи добаръ стати, да бы тако исто мысліо и дѣлао, да ти се саданъ станъ на болъ или на горе окрене? О, та помисли, колико си пута променуо разговоръ и другчів се разговарао, другчів се показивао и другчів мысліо, чимъ су се обстоятелства твоя текъ у нечемъ променула! Заръ се и

съ тобомъ нѣ догодило, и то юшть колико пута, као съ Апостоломъ Петромъ, кои се у ватреной ревности са одушевленіемъ заричао Учителю и Господу своемъ Иисусу Христу, да ѣе животь свой за Нѣга положити; а кадъ е дошло време искушенія и, кадъ е наступило време страшны мука Христовы, а онъ се упорно одрицао, да Га непознае? — Не буди никомъ судія и несуди га, па неѣе ни тебе други люди судити. — Неосуждавай човека, кои сасвимъ у другимъ обстоятелствама живи; кои е сасвимъ другчіе воспитанъ, кои сасвимъ другчіе страсти и другчія понятія има, и, кои потOME сасвимъ другоячіе и ради и дѣла него ты. Да ти е мати знатна каква особа а не проста жена; да се облачишь у свилу и кадифу; да су около тебе уместо искрены пріятеля, све саме удворице, кои гордости твоіой ласкаю; шта мыслишь, брате, какавъ бы ты онда быо? шта бы и како бы мыслио, осећао и дѣлао?

Шта мыслишь, заръ се ты у саданѣмъ твоємъ благополучномъ станю зато налазишь, што си нѣга достоянъ и предостоянъ? Можешъ ли съ чистомъ савесѣу казати, да си дарове и блага среѣе твоє свагда мудро и съ ползомъ употребіо? О мой брате! да видишь, како бы другій, да е на твоємъ месту, съ коимъ се поносити можешъ, далеко мудрѣ, благотворніе и обштеполезніе са твоимъ благама расположіо! Зашто дакле да осуждаванъ друге, кадъ си ты првый на реду, кога бы требало да осудишь?

Зборишь далѣ: зашто в провидѣніе Божіе добру волю човеколюбца безъ подпоре оставляло, а напротивъ пороку на руку ишло и пружало му іюшть и средства да се размеѣе? — Можешъ ли поуздано реѣи, да бы породица она, коя данасъ доста потребито али добродѣтельно живи, знала, шта є добродѣтель и душевно блаженство, да є у богатству и раскопѣству одрастла и, да є искушеніама сластолюбивогъ живота изложена была? Колико пута роиѣнешъ на судьбину, тупоумый човече, изъ кое, самъ незнашь, како, свако добро и среѣа извире, и уместо нѣ, желишь и предпоставляшь іой светску сыйность, съ нѣномъ сенкомъ, едомъ и чемеромъ. А ако си се кадъ осведочию, да є порокъ на земљи доиста са знаменитымъ средствама снабдѣвенъ быю, знай, да є то врло нужно было, да добродѣтель у себи самой веѣу силу развіє и порокъ тимъ успѣшніє савлада. Толико сыйни таленти о-стали бы непознати, неупотреблѣни, уснаванни, да їи нїє приа нужда пробудила и изъ мртвила у животь привела. Ияду добротворны изобретенія и одкровенія остала бы непозната, сакривена, да їи нїє сиротиня и потреба изъ таме на светъ извела и відкрила!

Погледай добро на све стране на ми рець: кои су тїи дарови среѣе? И єсу ли они доиста тако нееднако поделѣни, каошто се ты съ незадовольствомъ ядикуєшь и жалншь?

Нема у свету зла, кое не бы пробитачношу каквомъ заглажено было; нема те оскудице, која не бы одчасти и добра слѣдства имала. Нема тога предѣла на свету, у комъ све оно расти што и у другомъ, али зато опетъ свакій предѣлъ има свое особите природне дражести, свое нарочите пріятности. Истина, има у свакомъ предѣлу и неприятностей и зала, али се човекъ по другомъ времену привикне на њи, збогъ чега престаю бити тежка, зато и есте свакомъ човеку отечество његово миліе него икое друго. Истий е тай случай и при поединимъ породицама, и са поединимъ човекомъ.

Гдикоя, на примеръ, породица богата е и живи у свакомъ изобилію, али е несрећна иначе, кадъ погледашъ на судбину поедини њѣны членова, па зато завиди далеко сиромашнійој породицы, која у любви спокойне и неузмућене дане проводи. — Сожаленія е достоянъ онај човекъ, кои е намећу тако слабъ и плитакъ, да безъ туђегъ надзирања и руководства бити неможе; али съ друге стране има онъ толико богатства, да се ни глади, ни нужде бојти нема. — Еданъ е богатъ пребогатъ, и могао бы се Богъ зна како проводити, али е слаба здравли и повећој части болешљивъ. — Другій напротивъ живи доста нужно, али опетъ има што му треба, еръ е радень и усталаць, и тай радъ дае му и обдржава здрављъ. — Некий нема ни новаца, ни званія, али има осо-

битый умъ. Знанѣмъ и способноѣу своіомъ превосходи друге ильдама и, не бы дао оно што зна, за читаве гомиле блага.

Изъ овога шта найпосле дознаешъ? Е ли то, да Богъ нѣ доиста ова земна блага тако нееднако поделію, каошто ти се то у првый ма учинило? Веруй, нема на земљи човека, о комъ бы могао рећи: овай е найбогатин, а овай е найсиромашнин; еръ нико нѣ ни найбогатин, ни найсиромашнин, почемъ свакій налази у другомъ нешто, кое онъ нема и кое текъ жели. Свакій человекъ има понеко преимущество, кое другомъ оскудѣва. Но ни еданъ человекъ нема све; али свакій има понешто. — Богъ е свакогъ человека нечимъ обдарію, и то на особитый начинъ; по томе може се свакій сматрати као домаћинъ и притяжатель неки особиты дарова Божіи, кои су му уступлѣни. Зато и советуе свѣтый Апостоль Петаръ, говорећи: Кѣждо іакоже пріѣтъ дарованіе, междѣ себѣ сімъ сажѣще, іакш дѣбріи стріѣгаіе различныя благодѣти Божіи. І. петр. гл. 4. стих. 10. То естъ, Будите еданъ другомъ услужни са онымъ, што вамъ е Богъ уделію.

Немой се дакле више ядиковати на то нееднако деленіе многоразличны дарова среће, еръ нѣ башъ тако нееднако, каошто ти се чини. Негледай ты на оне, кои су, по очима твоима судећи, много више доби́ли него ты; но погледай на оне, кои ни толико

добра неуживаю колико ты. Сувише, имај на памети, да ће башъ онај, коме ты садъ завидишъ, наћи у теби онаква својства и преимућства, која онъ самъ нема и за коима бадава чезне, еръ њи неће никадъ имати. Ты завидишъ нѣговомъ богатству, а онъ твою здравлю; ты бы желію нѣгову паметъ, а онъ жели твою добру наравъ, твоє безазлено срце; ты желишъ, да си онако у чести и да си чувенъ као онъ, а онъ завиди твою нискомъ станю, у комъ си ерећанъ, ако и ниси чувенъ, еръ што си манѣ, манѣ имашъ и непријателя. Веруй нема тога човека на свету, кои у свему оскудицу трпи, али свима и свакоме понешто оскудѣва.

И што дуже будемо сматрали на ову деобу разны дарова среће међу людма, све ћемо се бољ о премудрости и благодети Божіой уверити, и бићемо све то спокойни и задовольни са онымъ, што намъ в при овей деоби у часть дошло. Еръ нема тога човека, кои бы довольна и основана узрока имао проклинати свою судбу, башъ и у томъ случаю, да в своіомъ собственомъ кривицомъ судбу свою тако горкомъ и несносномъ учиніо. — И наипосле, кажи ми, кои в тай найсиромашниі на овомъ свету? — Ђ ли, да в онај, кои в са стаѣмъ своимъ найнезадовольниі? — А кои в напротивъ найбогатіи и посве независимъ? — Ђ ли, да в онај, кои в са онымъ што има, найзадовольниі?

А да бы са онимъ даровима среће, које ти в отеческа милость Божія уделила, задоволянь быти могао, треба да имашь свагда на памети ову велику и вечиту истину, да срећа людска овде на земљи независи одъ блага земальски. — Нив, небойсе, онай срећанъ, кои има оно, што в најболъ, него в онай најсрећнии, кои в најболый.

Кадъ бы се право благополучіе людско у сийномъ станю, у богатству и излишеству, у достоинствама и одличныхъ душевнымъ даровима состояло, то бы онда тимъ самымъ онай бедный надинчаръ быо најнесрећнии, а онай богатый и великоможный, најсрећнии. Али у самой ствари, да видишь, нив тако! — Шта ии в у свету богаты и славны людій, кои одъ тежке бриге и туге горко уздишу, а међутимъ они, које ты за несрећне држишь, съ радосћу уживаю плодъ свои трудова!

Ты тражишь срећу свою и мыслишь, же-
ляма твоима обмануть, да ћешь ту срећу
само помоћу сыйны средства получитьи. А-
ли, уразуми се, човече, неможе быти срећа
у средствама, нити она штогодъ къ срећи
твоіой приносе; врь има ии илладама, кои све
оно уживаю, зачимъ ты чезнешь и уздишешь,
на су опеть несрећни. Зато, не тражи сре-
ћу у сполянннмъ благама, него у себи са-
момъ, у доброты твога срца и у мудро-
сти, на ћешь быти узвишенъ надъ онимъ,
што в по себи пра и пепео, и што ће пра

и ценео остати. Я ти реко мало пре, нів онай срећанъ, кои има оно што е најболъ, него е најсрећнии онай, кои е најболый.

Да бы пакъ са онимъ, што ти е провидѣніе уделило, спокойно и задовольно поживити могао, треба пре свега да познашъ оне удобности и користи, кое у саданѣмъ станю твоѣмъ уживашъ; затимъ треба да оценишъ вредность твои саданьи отношенія. И немой да презрешъ и подъ ноге бацишъ оно добро, ону срећу, кою ти е благій Богъ дао, па да се предашъ незаязимой жеђи за онимъ, што немашъ, еръ ћешъ онда бити најнесрећнии. Незадовольство твоѣ са онимъ, што имашъ, кое те наводи, да на поступке Божіегъ промысла хулишъ, недолази одъ разума, него одъ твоѣ чувственности, коя постав у теби яча и силниа и надвлађуе веру у Бога. По томъ се можешъ познати, да ли ти е срце болестно и душа немоћна. Но неоклевай, него се лечи зараніе, па ћешъ благосилати и судбину и твоѣ отношенія, кадъ сравнишъ твоѣ станѣ са станѣмъ толики миліона твоѣ собраће. — Невелимъ, да твоѣ саданѣ станѣ нема понеке неугодности; али испытай себе, да не будешъ самъ своіомъ кривицомъ учнию, што те данасъ ово или оно зло жуљи и мучи. Упытай се, да ли си озбыльно покушао сва она средства, коя су ти у власти, да спасешъ себе одъ неволѣ, коя те тишти. Па ако доиста трпишъ и страдашъ твоіомъ собственомъ кри-

вицомъ, и ако немашь оно што желишь, само по томе, што ниси покушао сва она средства, која су ти у власти была: то, којимъ правомъ зактевашь одъ Бога, да Онъ чудомъ своимъ немарность и неатанѣ твоє на кнади, или кривицомъ твојомъ причиниѣна зла поправи? — Поправи се и буди болѣй, па ће ти болѣ бити.

Да бы са онимъ даровима среће, коє ти в благодѣ Божіа уделила, спокойно и задовољно поживити могао, постарай се, да облагородишь све што имашъ, па ћешъ бити богатъ! Украси срце твоє добродѣтелями, коє ти оскудѣваю; обогати свой разумъ лепимъ знаняма и искуствомъ; улепшай и облагороди свеколико твоє иманѣ трудолюбіємъ, радиношћу, порядкомъ и штедљивошћу. Уместо злата и драгогъ камени заведи највећу чистошћу, а уместо роскошества пріятну простоту, и некъ ти в свагда прече оно што в нужно одъ оногъ, што в сјајно. Предходи у свему добрымъ примеромъ твоимъ домаћима, люби их, пази их. Небуди суровъ ни речма ни дѣломъ, а много мањ освѣтолюбивъ. Владай се честно и буди поштенъ у сношенію са твоимъ сограђанима, а спрамъ твои предпостављѣны буди пристојанъ и учтивъ. Клонисе као исте вуге развратногъ дружтва и, старай се, да любкошћу и услужљивошћу твојомъ задобивъ благонаклоность твои сажителя. Кадъ ко помоћи требує, буди првый на помоћ, али

самъ за себе нетражи туђе помоћи, манъ ако те яка нужда примора. Гледай, да у санданѣмъ твоѣмъ станю и прама твоимъ отношеніями и обстоятелствама будешъ наиболѣй, па ћешъ имати све оно, што е наиболѣ; имаћешъ сва найпретежнія блага, а та су пре свега: спокойство душе и совести; задовольство съ Богомъ и са своіомъ судьбиномъ; обща благонаклоность людска и благословъ промысла Божіегъ!

Али свеколики дарови среће нису ништа друго, разве дарови Божіи, и Богъ ти дае одъ овы споличннн блага онолико, колико е за твоѣ и твои ближннн благостанѣ нужно. — О ты у прау пузећій прве, неосуждавай премудрость Божію збогъ оны средства, коима се служи на ползу целогъ света! Неочайвай о любви Божіой, коя нема предѣла ни границе, нити ослаблявай у надежди на промысла Нѣговъ, кои е о теби знао пре негъ што си на овај светъ дошао.

Гледай дакле, да се покажешъ честитъ Домостроитель у ономъ, што ти е Богъ изъ пуноће свога благослова и изобилія испослао, и да мудро и верно располажешъ са онымъ малымъ благомъ, ков ти е воверено. Свануће данъ, у кои ће се о свему одговоръ одъ тебе искати, и тай данъ бы ће за тебе данъ награде и воздаяннн. Онда ћешъ текъ познати, како е судьбина твоя сййна, кадъ изъ уста Судіе вселенскогъ чуешъ ове речи:

Добрий рабе, благій и вѣрный, шъ малѣ Ми былъ
ѣси вѣренъ, надъ многими та поставлю: Вниди въ
радость Господа твоего. Мат. гл. 25. стих. 23.

Буди мударъ, добаръ и веранъ Домострой-
тель са полученъ даровима среће и, чувай
се, да ии на зло неупотребишь. Ненаруша-
вай свое здравль плотоугодиѣмъ, разиѣженос-
ћу и пресиляванѣмъ; неразсипай твоѣ има-
нѣ неуреднымъ и раскошнымъ живленѣмъ и
леньствованѣмъ; неразбій главу и незаба-
вляй память твою са безнослицама и буда-
лаштинама. Ако си у званію, у чести, у у-
важенію, не буди гордъ и суетанъ, но гледай,
како ѣеши на томъ месту и своимъ и це-
ломъ свету полезанъ быти.

О Боже, источниче своію добры и савр-
шены дарова; благословеный, преблагій и
многомилостивый Творче, премудрый Управ-
ителю света, Сздателю вселене, Отче сви-
ю народа но уедно и мой Отче! Ты ниси
забравію ни одну тварку, кою си сздао!
Свакой си дао онолико, колико ѣ нужно,
да и она сама срећна буде, и друге твари
усрећи! Зачудо су многоразлични дарови,
коѣ Ты делишь; али башъ са томъ истомъ
многоразличносћу скончао си народе съ на-
родима, люде съ людма; тимъ си учинію, да
еданъ другогъ требаю и да се узаимно пазе
и любе. Што си едномъ дао, у томъ дру-
гій нужду трпи; и у чемъ еданъ оскудѣва, у
томъ ѣе му другій помоћи. Ни еданъ нема

све; ни еданъ нѣ савршенъ; ни еданъ нѣ тако снабдѣвенъ, да никадъ туђе помоћи не-требуе. II, уколико е еданъ другомъ у помоћи са онимъ, што му е дано, то е тимъ самымъ общте благостанѣ свою основано и утемелѣно.

Задовольни и благодарни быѣмо Ти, Боже, на онимъ благама, кои си намъ ниспослао, и чуваѣмо се, да ии на зло неупотребимо. Сви скупа тамо ѣмо тежити, да общте задовольство и благополучіе людско умложимо. Срѣз коя бы намъ полза была одъ блага, и да намъ се пресипа, кадъ ии не бы умели мудро уживати и употребити! Та и съ малымъ може человекъ богатъ бити. Али, ко Тебе, Боже, има у срцу, тай е стекао богатство, кое неможе пропасти!

